

Новогодний детектив (сборник)

Автор:

Антон Грановский

Новогодний детектив (сборник)

Антон Грановский

Анна Князева

Дарья Аркадьевна Донцова

Евгения Грановская

Марина Крамер

Анна и Сергей Литвиновы

Алла Полянская

Татьяна Витальевна Устинова

Людмила Зарецкая

Полина Раевская

Татьяна Васильевна Коган

Великолепные детективные истории

Каждый год мы с нетерпением ждем Нового года – самого сказочного и волшебного праздника, который все мы любим с детства! Строим планы, как весело и интересно провести новогодние дни, и, конечно, готовим подарки для родных, друзей и коллег. Издательство «Эксмо» тоже подготовило для вас

подарок – сборник остросюжетных историй, действие который происходит в Новый год. Сказочное настроение и ощущение праздника вам подарят мэтры детективного жанра – Д. Донцова, Т. Устинова, А. и С. Литвиновы – и их талантливые коллеги. Читайте сами и дарите радость другим!

Дарья Донцова, Татьяна Устинова, Анна Литвинова, Сергей Литвинов, Марина Крамер, Антон Грановский, Евгения Грановская, Алла Полянская, Анна Князева, Татьяна Коган, Людмила Зарецкая, Полина Раевская

Новогодний детектив

Сборник

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Евгения и Антон Грановские

Таинственный жених

1

За окном кружился мягкий снежок, сверкали неонами витрины кафе «Карусель». Из кадки возле кафе торчала украшенная новогодними гирляндами елка, хотя до Нового года оставалось еще почти две недели.

Мария Дмитриевна Светлова, симпатичная стройная шатенка тридцати четырех лет, села на диван и вздохнула. Ее двенадцатилетняя дочка Викуся оторвала взгляд от экрана планшета и настороженно посмотрела на мать.

- Что случилось, мама?

- Ничего, - сказала Маша. - Кроме того, что я потеряла работу. Меня уволили.

Викуся пару секунд удивленно и испуганно смотрела на мать, а потом отложила планшетник в сторону, прильнула к матери, обняла ее за плечи и сказала:

- Муся, не расстраивайся. Все наладится.

- Наладится? - Маша горько усмехнулась. - Как же. На дворе кризис. А мне скоро сорок. Кому я нужна?

- Мне нужна, - объявила Викуся и поцеловала маму в щеку.

Та невесело улыбнулась:

- Ну, разве что.

Викуся погладила маму по голове рукою, украшенной кучей серебряных колечек (такие же колечки обильно серебрились у нее в ушах, а еще одно - в левой ноздре).

- Mam, ты себя недооцениваешь, - назидательно сказала Викуся. - Так нельзя.

- Угу. - Маша вздохнула. - Как представляю, что нужно будет опять ходить по собеседованиям... Улыбаться этим наглым юным менеджершам, нести какую-то чушь про то, что я готова работать от зари и до зари и что способна обучаться...

- Не страдай заранее. - Викуся ободряюще улыбнулась. - Mam, давай так: если ты не найдешь работу за пару недель - пострадаем вместе. Будем сидеть, обнявшись, и горько-горько плакать. Несколько дней подряд, пока от обезвоживания не померем.

Маша не удержалась от улыбки.

– Дурочка ты у меня. Ладно... – Она поднялась с дивана. – Надо ужинать. Ты хлеб купила?

– Конечно. В пакете на кухне.

– Тогда сделай себе бутерброд. Если что – я у себя в комнате. Повалюсь немного перед теликом.

– Я сделаю два бутерброда, – сказала Викуся. – И мы поваляемся вместе.

Маша улыбнулась, нагнулась к дочери и чмокнула ее в курносый нос.

Час спустя, когда Викуся и Маша, доедая по третьему бутерброду, валялись на диване перед телевизором, наблюдая за трагическим переплетением судеб героев «Аббатства Даунтон», у Маши зазвонил мобильник.

– Нажми на паузу! – распорядилась Маша и потянулась к тумбочке за мобильником.

Викуся схватила пульт и остановила фильм.

– Да, Женюра, это я... – сказала Маша в трубку. – И тебе тоже... Что?... Подработка? – Маша даже привстала на диване. – Конечно, нужна! А что...

Маша замолчала, слушая слова подруги.

– Что там? – с любопытством спросила Викуся.

Но Маша сделала ей страшные глаза и поднесла палец к губам – дескать, погоди, не перебивай. Несколько секунд она слушала, а затем сказала в трубку:

– Женька, ты моя спасительница!.. Нет-нет, не стремно. Наоборот – как раз то, что доктор прописал. Когда нужно въезжать?... Завтра? Нет проблем, въедем! Ой, прости, я забыла спросить – дочку-то я могу с собой взять?

– Куда меня взять? – с любопытством спросила Викуся.

Маша снова сверкнула на нее глазами – не мешай! И сказала в трубку:

– Отлично! Женюр, еще раз огромное тебе спасибо! Пусть тебе Бог пошлет любовника-олигарха!.. Да. А если мне, я тоже не откажусь. Ну, пока!

Маша убрала трубку от уха.

– Ну? – нетерпеливо спросила Викуся. – Что там? Что она тебе предложила? Куда меня «брать»?

Маша посмотрела на дочь посветлевшими глазами и сказала трагическим голосом:

– Женькина знакомая улетела на два месяца в Америку. И ей надо, чтобы кто-нибудь пожил в ее квартире. Поливал цветы, гулял с собачкой. Я сказала, что готова этим заняться.

– Жить в чужой квартире? – Викуся поджала губу. – Надеюсь, это не бесплатно?

– Разумеется.

Викуся оживилась.

– И сколько? – поинтересовалась она.

– Двадцать тысяч. В месяц.

Викуся, наморщив лоб, посчитала в голове и сказала:

– Не бог весть что, но на новые кеды и джинсы мне хватит.

– Ага, щас, – фыркнула Маша. – У нас «коммуналка» за два месяца не плачена. И кормить тебя чем-то надо.

– Ладно, ладно, – смирилась Викуся. – Но в любом случае двадцать косарей – это лучше, чем ничего. Пойду собирать вещи.

– Ого! – выдохнула Викуся, вертя головой и изумленно разглядывая огромный светлый холл элитной квартиры. – Это что, дворец?

– Это прихожая, – сказала Маша, поставила сумку на ковер и закрыла дверь на замок.

– В этой прихожей можно спрятать всю нашу квартиру! – объявила Викуся. – И искать потом три дня!

Пока Маша и Викуся осматривали холл, останавливаясь взглядами то на позолоченной люстре с искрящимися хрустальными подвесками, то на старинных цветных гравюрах в резных рамах, из-за угла выбежал черный зверек, похожий на тощую карликовую лошадку. Зверек остановился и уставился на девушек напряженно-испуганным взглядом.

– Эт-то что за чудовище? – удивленно спросила Викуся.

– Это не чудовище, это собака, – сказала Маша. – Китайская хохлатая.

Викуся хмыкнула и сказала:

– У китайцев странное чувство красоты.

– Зато отличное чувство юмора, – сказала Маша. – Осторожнее – смотри, чтобы не цапнула. Кстати, ее зовут Ватрушка.

Викуся уже присела возле собачки и осторожно провела ладонью по ее пепельному чубчику:

– Она же маленькая.

– Маленькая блоха сильнее кусает.

– Ты моя собаченька... – Викуся почесала собачку пальцем под подбородком. – Мам, можно я угощу ее шоколадным батончиком?

– Можно.

– А ей это не повредит?

Маша глянула на плюгавенькую мордочку собаки и ответила:

– Ей уже ничто не повредит.

Пока Викуся возилась с собакой, Маша прошла в гостиную. Остановилась у двери, чуть не зажмурившись от блеска хрусталя и золота.

– Вот это да! – ахнула Викуся, встав рядом с матерью. – Настоящие царские хоромы! И почему я не дочка миллиардера?

– Потому что твой папа любил водку сильнее, чем деньги, – сказала Маша. – Кстати, дама, которая тут живет, совсем не дочь миллиардера. Она начинала с того, что продавала жареные пирожки у метро. А теперь у нее своя сеть ресторанов.

Викуся присвистнула:

– Круто! Научишь меня жарить пирожки?

– Легко. Но сперва давай распакуем сумки. Нам здесь жить целых два месяца. Если, конечно, нас не выгонят раньше.

– Сплюнь! – сказала Викуся.

– Тьфу-тьфу-тьфу, – суеверно сплюнула Маша.

Маша подтащила сумку к гардеробной, а Викуся – в сопровождении хохлатой собачки, с которой уже успела подружиться, – ушла обследовать санузел. Вскоре она примчалась оттуда с воплем:

- Муся! Там в ванной – настоящее джакузи!

Вокруг Викуси с таким же восторженным лаем прыгала Ватрушка.

- Думаю, здесь все настоящее, – сказала Маша, с улыбкой косясь на собачку и укладывая вещи в свободный шкаф. – И даже вот эта милая картина на стене. – Она кивнула на большую картину в позолоченной раме. – Смотри, какие медвежата. Художник явно не бездарен.

Викуся хмыкнула.

- Мама, ты чего – это же Шишкин. Он в Третьяковке висит.

- Не знаю, что там висит в Третьяковке, но эти медвежата выглядят прямо как живые. Не удивлюсь, если в Третьяковке висит копия. Ладно... – Маша перевела дух. – Пошли-ка чего-нибудь перекусим. Женька сказала, что хозяйка перед отъездом забила холодильник продуктами.

- Что, правда? Чего ж ты раньше молчала?! У меня уже в пузе урчит от голода! Ватрушка, айда на кухню!

И обе тут же исчезли из вида.

...Обед удался на славу. В холодильнике нашлись итальянские колбасы, французский ароматный («вонючий», по выражению Викуси) сыр, немецкий черный хлеб с травами, московская буженина, луховицкие огурчики и бутылка белого аргентинского вина.

Уминая бутерброд, Викуся вдруг спросила:

- Муся, ты подумала над моим предложением?

- Над каким? – не поняла Маша, запивая сыр белым вином.

- Ну, как же?! Помнишь, где-то неделю назад я сказала, что тебе пора снова выйти замуж?

Маша на секунду перестала жевать, потом сказала:

- Не помню.

- Но это было! Ты сказала, что тебе надоело одиночество!

Маша пожала острыми плечами:

- Иногда я говорю глупости. Это с каждым случается. Давай оставим эти пустые разговоры.

Викуся отложила бутерброд, внимательно и серьезно посмотрела на мать и сказала декларативным тоном:

- Муся, тебе нужен жених. Обязательно.

- Правда? - Маша снова дернула плечом. - Отлично. И где же я его возьму? Куплю в «Икее» на распродаже?

Вика сморщила нос:

- Mam, не утрируй. Просто тебе нужно занять более активную жизненную позицию.

- Это какую же? Ходить по улице и кричать, что я хочу замуж?

Викуся прыснула, но тут же снова нахмурилась.

- Ma, опять ты утрируешь.

- Да я и слов-то таких не знаю. Это ведь ты у нас отличница, а не я.

Викуся ненадолго о чем-то задумалась. Внезапно лицо ее просветлело, а во взгляде появилось что-то таинственное и лукавое. Маша посмотрела на нее подозрительным взглядом.

– Так, – сказала она. – А ну-ка, быстро колись – что ты опять задумала?

– Я? Ничего. Пойду распакую комп!

Вика быстро поднялась из-за стола.

А решила она следующее: раз у мамы ничего не получается, нужно сделать все за нее. Ну, не все, конечно, а только главное – найти ей мужчину. Это лучше, чем ждать милостей от природы, ведь правда?

Викино отражение в зеркале согласно кивнуло в ответ. Викуся улыбнулась ему – значит, правда!

В Интернете очень долго не находилось ничего путного. Но после долгих поисков Викуся все же сумела найти парочку подходящих вариантов. Первый был бизнесмен. Немного толстоват, но, в целом очень даже ничего. У него своя станция техобслуживания! И не очень старый – всего-то сорок лет. А что до полноты, так в мире существуют фитнес-клубы и диеты. Если он действительно полюбит маму, то не откажется ради нее скинуть пару-тройку килограммов. Ну, или пару-тройку десятков килограммов. Принцип-то один и тот же.

Второй кандидат работал преподавателем в институте. Математика, информатика и тому подобная занудная ерундистика. Преподаватели, конечно, не богачи, но зато умные и вежливые. И уж в любом случае это лучше, чем Ашот из мясного магазина, который вечно отпускает маме комплименты, а потом с идиотской улыбкой провожает ее взглядом и восхищенно цокает языком.

Преподавателя звали Алексей Михайлович Толмацкий. Темная старомодная челка, очки вполлица, затрапезный «профессорский» пиджак. Выглядит явно старше указанных тридцати восьми. И губы поджал – как будто к доске сейчас кого-то вызовет. Но ведь фотография – вещь обманчивая! Да и вообще – с лица воду не пить!

Викуся быстро черкнула преподавателю Алексею Михайловичу письмо. Потом надела наушники, врубила последний альбом группы «Emreog» и, прикрыв от наслаждения глаза, минут десять раскачивалась на стуле, качая головой и

барабана по столу ладонями в такт музыке.

После окончания очередной песни она стащила наушники на шею и проверила свою страничку в «Знакомствах». Алексей Михайлович Толмацкий прислал письмо.

«Здравствуйте, уважаемая Вика! Мне понравилось ваше письмо – оно, конечно, малоинформативное, но зато по-молодому задорное и смешное. Мне кажется, нет – я уверен, что мы вполне можем найти общий язык и подружиться с вашей старшей сестрой Марией Дмитриевной. Ну, а там – как Бог даст. Меня немного настораживает, что вы хотите создать иллюзию спонтанности нашей с Марией Дмитриевной встречи. Но я понимаю и принимаю ваши резоны.

Если вы по-прежнему хотите познакомить меня с вашей сестрой, напишите, где и когда вам удобнее будет это сделать.

С уважением,

А. М. Толмацкий»

Викуся тут же написала ответ:

«Дорогой Алексей, приходите к нам в гости! У нас тут уютная квартирка, и холодильник забит всякой вкусной всячиной! Я напишу вам адрес дома. Будьте у подъезда завтра в пять часов вечера. Я вас встречу внизу, провожу до квартиры и типа случайно познакомлю с Машей. Пока не знаю, как именно, но что-нибудь придумаю! Вы как? Согласны?»

Викуся отправила письмо, надела наушники и стала ждать ответа. Через пару минут он пришел.

«Вика, я подъеду к 17. 00. Присылайте адрес.

С уважением,

А. М. Толмацкий»

З

Были приятные декабрьские сумерки. Легкий снежок планировал на невысокие серебристо-голубые сугробы, горели фонари. Едва выйдя из подъезда, Вика столкнулась с А. М. Толмацким нос к носу.

- Ой! - сказала она. - А это вы?!

А. М. Толмацкий сдвинул брови и посмотрел на нее с насмешливым интересом.

- С утра был, - сказал он. - Надеюсь, им и остался.

В жизни Толмацкий выглядел совсем не так, как на фотографиях. Без дурацких очков (наверное, вставил в честь свидания линзы, молодец!) и старомодного костюма. Бушлатистое черное пальтецо, джинсы, ботинки «тимберлейки», шарф, намотанный на шею, - как говорится, просто, но со вкусом. И волосы подстриг покороче. Ему идет.

- Я - Вика, - сказала она и протянула ему руку. - Та самая. А вы Алексей, верно?

- Э-э... - начал было он, протягивая в ответ свою руку, но Вика схватила его ладонь, встряхнула ее и сказала:

- Не надо смущаться. Это вполне нормально - знакомиться с девушками по Интернету. Все мои знакомые парни так делают.

- Правда? - удивился он.

- Да, - кивнула Вика.

Во взгляде ее нового знакомого все еще сквозили недоверчивость и сомнение.

«Это из-за того, что он не ожидал, что я такая юная», - поняла Вика.

- Я вам немного соврала, - чуть покраснев, призналась Вика. - Я не сестра Марии. Я ее дочь. Но это ведь ничего не меняет, верно?

- Пожалуй, - согласился мужчина, по-прежнему внимательно и с интересом разглядывая лицо Вики.

- Вот и хорошо. - Викуся улыбнулась, пытаясь получше расположить Алексея к себе. - Мама не знает, что вы придете. Но это как раз по плану. Мы ведь с вами решили, что сделаем все так, будто ваше знакомство было случайным.

- Случайным? - приподнял бровь Алексей.

- Да, - кивнула Викуся. - Вы только не волнуйтесь, я все уже придумала. Я устроила небольшую протечку в ванной. Мама вызвала сантехника. А я перезвонила и отменила вызов. Втайне, конечно. Поэтому вы сначала будете как бы сантехник. Ну, а потом, когда вы друг другу понравитесь, мы ей все расскажем - и вместе над этим посмеемся. Хорошо я придумала, правда?

Алексей потер пальцами подбородок и задумчиво произнес:

- Трудно сказать...

- Значит, правда, - небрежно и решительно заключила Викуся. - Идемте!

Она схватила Алексея за руку и потянула его к двери подъезда. Когда они входили, к подъезду подошел еще один человек - сутуловатый, в старомодной куртке, чубатый и в очках. Он остановился под фонарем, посмотрел вслед Вике и Алексею, потом, задрвав голову, глянул на окна, потом - на закрывшуюся дверь подъезда, потом - на наручные часы. Потом сунул руки в карманы куртки, поежился и стал чего-то ждать.

Но Викуся этого уже не видела.

...Едва Маша открыла дверь квартиры, как Викуся затараторила:

– Ма, познакомься – это слесарь из ЖЭКа! Представляешь, я выхожу из подъезда – а он как раз подходит! Я сразу поняла, что это он! Ну, и проводила его до самой квартиры – чтобы не сбежал! Чего же вы стоите? – (Это уже Алексею.) – Входите!

Алексей вошел в прихожую, бросил на Машу быстрый, внимательный взгляд и приветливо проговорил:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте-здравствуйте. – Маша оглядела его с ног до головы. – Я уж думала, что вы никогда не придете.

Алексей с неуверенным видом оглядел холл.

Викуся поняла, что его поразила роскошь обстановки, и, несмотря на то, что квартира была чужая, ей это почему-то польстило. Алексей кашлянул в кулак и заговорил:

– Я, собственно...

– Ванная у нас там, – перебила его Маша, указав кивком головы направление. – Ну? Что же вы стоите? Проходите!

Алексей посмотрел на свои «тимберлейки».

– Я...

– Ничего страшного, можете не разуваться! – успокоила его Маша. – У нас тут плитка, а я потом протру. Проходите же!

Алексей кивнул и потопал к ванной.

- А где его чемоданчик с инструментами? - тихо и удивленно проговорила Маша.

- Наверное, в машине забыл, - не колеблясь, ответила Викуся. - Ничего, пусть сперва посмотрит, что там и как. А потом сбегает и принесет.

На осмотр «слесарю» Алексею хватило пары-тройки минут.

- Ну? - спросила его Маша, стоя у двери со сложенными на груди руками.

- Там у вас «стакан» надо менять, - сказал Алексей. - Но вообще это не критично. Если хотите, я могу завтра купить.

- Отличная идея, - сказала Маша.

Алексей хотел еще что-то добавить, но тут Викуся быстро сказала:

- Может, чаю? Алексей, вы как?

Маша посмотрела на нее удивленно.

- А что такого? - пожала плечами Викуся. - На улице-то не Ташкент. Минус десять на градуснике. Может, человек замерзся. А имя я у него еще у подъезда спросила.

Маша нахмурилась и отчеканила:

- Не думаю, что наш гость примет твое предло...

- Пожалуй, я бы выпил чашечку, - сказал вдруг «слесарь».

Маша растерянно моргнула.

- Ну... ладно. Пойду поставлю чайник. А вы разувайтесь. Там на полу ковер. Вика, выдай гостю тапки!

Маша метнула в Викуся зловещий взгляд, после чего направилась на кухню. Дождавшись, пока она уйдет, Викуся достала из обувницы тапки и, протянув их Алексею, тихо сказала:

- Вы молодец. Здорово сыграли сантехника. Не волнуйтесь, вы ей уже понравились.

Алексей улыбнулся.

- Думаешь?

- Уверена! Только она пока сама этого не знает.

- Можно тебя кое о чем спросить? – так же тихо произнес Алексей.

- Конечно, – улыбнулась Викуся. – Спрашивайте.

- А кто твоя мама? Ну, кем она работает?

- Мама-то? Так ведь я же вам, кажется, писала.

- Я что-то запомнил.

- Она...

- Эй, ребята! – окликнула их из кухни Маша. – Вы идете пить чай?

- Да, мам, уже идем!

Викуся двинулась на кухню, но Алексей удержал ее за плечо.

- Так кто она? – тихо спросил он.

- Она... бизнес-леди! – выпалила Викуся. – Да. Бизнес-леди. У нее своя компания.

- Вот оно что. - Алексей бросил взгляд на старинные гравюры в позолоченных рамах. - Тогда понятно, откуда это все.

- Вы только не подумайте, - торопливо сказала Вика. - Моя мама хорошая женщина. И простая. Она не из тех, кто задирает нос или понтуется.

- Верю, - усмехнулся Алексей. - Ну что ж - пошли пить чай.

За чаепитием Алексей, с интересом поглядывая на Машу, осторожно «прощупывал почву», и это заставляло Викусю немного нервничать. Допустим, он начинал:

- Мария, а ваша компания...

- Алексей, берите конфету! - тут же перебивала его Викуся. - Она вкусная!

- Спасибо, - благодарил Алексей.

Пауза. Шелест конфетного фантика.

- Вкусная, правда? - Вика радушно улыбнулась.

- Да, неплохая, - машинально похвалил Алексей, сунув конфету в рот. И снова посмотрел на Машу. - Так что вы производите, Мария?

На лице Маши появилось легкое замешательство:

- Произвожу?

- Ну, или продаете. Чем занимается ваша компания?

Замешательство превратилось в растерянность.

- Я не совсем...

Викуся пнула Машу под столом. И в ответ на изумленный взгляд быстро выдохнула:

- Мам, ну что же ты не пьешь? У тебя чай остывает.

- Вика, я не...

Но Вика уже перевела взгляд на Алексея:

- Алексей, можно вас кое о чем попросить?

- Конечно, - кивнул он.

- Когда я мыла руки в ванной, я, кажется, слишком сильно дернула кран. То есть не кран, а эту штуку... забыла, как она называется. В общем, мне кажется, что я там что-то сорвала. И там теперь капает. Не могли бы вы глянуть?

- Конечно, посмотрю, - сказал Алексей. - Вот допью чай - и сразу. Мария, а вы...

- Не могли бы вы прямо сейчас посмотреть? - продолжила натиск Викуся. Улыбнулась невиннейшей улыбкой и добавила: - А то там сильно капает. Боюсь, как бы соседей не залить.

Алексей посмотрел на Викусю (она улыбалась), потом на Машу (вид у нее был растерянный и задумчивый), потом понимающе хмыкнул, поднялся из-за стола и потопал в ванную.

Маша в упор посмотрела на Викусю.

- Ну? - спросила она. - И что все это значит?

- Мам, он тебе нравится? - спросила в ответ Вика. - Только честно?

- Кто? Этот слесарь?

- Да. Так нравится или нет?

- Ну... он симпатичный. А почему ты...

- Я наплела ему, что ты - владелица компании, - сказала Викуся.

Лицо Маши вытянулось.

- Но... зачем?

- Не могла же я ему сказать, что нас с тобой наняли сторожить эти хоромы. Что бы он о нас подумал? А так получается, что ты - обеспеченная деловая женщина. Разве плохо?

Маша нахмурилась.

- Вика, - тихо сказала она, - тебе не кажется, что ты сходишь с ума?

- Тише! - шепотом воскликнула Викуся. - Он идет! Постарайся все не испортить, ладно?

Алексей вошел на кухню и сказал:

- С краном все в порядке. Я проверил.

- Замечательно! - улыбнулась Вика. - Садитесь, я подолью вам чаю!

Пока Викуся наполняла его чашку, Алексей уселся, посмотрел с улыбкой на Машу и снова приступил к расспросам.

- Так что у вас за компания, Мария?

- У меня... - Маша поймала на себе пристальный, умоляющий взгляд Викуси и сбивчиво выдавила: - Очень хорошая компания.

- Хорошая? - приподнял он брови.

- Да. - Маша улыбнулась. - Очень хорошая... веселая такая компания.

- То есть вы...

- Организуем для людей праздники! - быстро выпалила Викуся. - То есть мама организует! И ее... веселая компания!

- Вот оно что. - Алексей заинтересованно посмотрел на Машу. - Интересная, наверное, работа?

Маша тоже улыбнулась, правда, несколько напряженно.

- Не то слово, - сказала она. - Это ведь так интересно - делать людям праздники. Юбилеи, свадьбы, похороны...

Викуся пнула Машу под столом ногой.

- То есть... похороны мы, конечно, не делаем, - сбивчиво поправилась Маша. - Это я...

- Пошутила, - закончила за нее Вика. - Мама пошутила. Профессиональный юмор. - Она с улыбкой посмотрела на Алексея: - Немного черный юморок-то, да?

- Да уж, черноватый, - согласился Алексей. Он отпил чаю и поставил чашку на стол. - Что ж, мне, пожалуй, пора.

- Да, конечно, - тут же, с некоторым облегчением отозвалась Маша. - У вас же, наверное, еще много других клиентов.

- Да, есть кое-какие. Спасибо за чай и конфеты. Приятно было с вами познакомиться. В котором часу мне завтра зайти?

- Зайти? - не поняла Маша.

- Я ведь должен установить вам новый «стакан», - напомнил Алексей. - Так во сколько мне зайти?

– Чем позже, тем лучше, – ответила за мать Викуся. – Мы с Мусей... то есть с мамой, весь вечер будем дома. Так что – приходите попозже.

– Хорошо.

Алексей поднялся из-за стола.

– Я провожу гостя до двери подъезда! – Вика тоже вскочила со стула. – У нас там трудная кнопка на электронном замке, можете долго провозиться!

Алексей не возражал.

...На улице слегка похолодало.

– Ну? – спросила Вика, поеживаясь. – Она вам понравилась?

– Твоя мама? – Алексей улыбнулся. – Да. Очень.

– Отлично! И вы ей тоже! – Уловив сомнение во взгляде Алексея, Викуся быстро добавила: – Уж поверьте моему опыту. Приходите завтра. Только не забудьте этот ваш «стакан». А вы правда разбираетесь в трубах?

– Честно говоря, не очень, – с легким смущением ответил Алексей.

– Это не страшно, – подбодрила его Вика. – Поройтесь в Интернете, выучите пару «слесарных» словечек, и все будет тип-топ. Ну, до завтра?

– До завтра!

Они пожали друг другу руки. Замерзшая Викуся торопливо юркнула в подъезд, а Алексей проводил ее взглядом, затем достал из кармана пальто мобильник, набрал номер и приложил трубку к уху.

– Это я, – негромко сказал он в трубку. – Я нашел подходящий объект... Да. Думаю, через пару дней закреплюсь... Хорошо. Все, до связи.

Он убрал мобильник в карман, поднял, поежившись, воротник пальто и зашагал к припаркованной у обочины «Тойоте».

4

Два дня спустя

Маша лежала в кровати, чуть прикрыв грудь покрывалом, и смотрела в окно. За окном горели фонари, весело мигали новогодними огоньками витрины магазинов.

- Ты была замужем? - спросил Алексей.

Маша отвела взгляд от окна и посмотрела на Алексея. Он лежал на боку, подперев руку ладонью и с нежностью глядя на Машу. В полумраке комнаты лицо его казалось худощавым и совсем молодым, и Маше это нравилось.

- Да, была, - сказала она. - А ты? Ты был женат?

- Угу. - Он улыбнулся. - Но это было давно. Так давно, что я почти забыл. - Он наклонился, поцеловал Машу в волосы и спросил: - Как ты с ним познакомилась?

Маша откинула со лба прядку волос и сказала с ироничной улыбкой:

- Увидела на дискотеке двух парней. Один показался мне слишком красивым - а с красивыми всегда много проблем, и я взяла второго.

Алексей засмеялся.

- В здравомыслии тебе точно не откажешь.

- Это точно, - улыбнулась Маша.

Он нежно коснулся губами ее виска. Маша поежилась от удовольствия.

- Ну, а ты? - спросила она. - Где ты познакомился со своей бывшей?

- На горнолыжном курорте. Она выпила слишком много чая с утра, и на вершине горы ей приспичило. Она отошла в кустики - как была, на лыжах. Спустила штаны и присела. И тут - лыжи поехали.

Маша округлила глаза.

- Что, правда?

Алексей кивнул:

- Угу. Моя милая бывшая женушка неслась по склону горы с голой попой, - продолжил он, улыбаясь. - Скорость была приличная, и тут на пути попался я. Она сбила меня с ног, и мы кубарем покатались с горы. Первое, что я увидел, когда пришел в себя и открыл глаза - ее голую попу, слегка припорошенную снегом. Попа показалась мне очень красивой, и через две недели я женился.

- Очень романтичная история! - смеясь, сказала Маша. - Твоей бывшей повезло, что у нее красивая попа.

- Не то слово. Она до сих пор ловит на нее мужиков - как на живца. - Алексей усмехнулся, и глаза его матово блеснули в полумраке. - У нас на кухне недопитое вино. Принести тебе бокал?

- Принеси, - с улыбкой сказала Маша.

Алексей быстро поднялся с кровати, быстро надел джинсы и вышел из спальни. Маша проводила его взглядом, затем откинулась на спину и сладко потянулась. Уже несколько лет ей не было так хорошо!

На кухне Алексей достал из холодильника бутылку «Шардоне», наполнил бокал Маши, а потом глянул на дверь и секунду прислушивался, после чего извлек из кармана джинсов крошечную капсулу, разломил ее над бокалом и высыпал содержимое капсулы в вино.

Когда он принес вино в спальню, Маша ждала его, сидя на кровати с дымящейся сигаретой в тонких пальцах.

- Ого! - удивился Алексей. - Ты куришь?

- Нашла пачку сигарет в тумбочке, - виновато сказала она. - Решила, почему бы не выкурить одну? По студенческой привычке. Хочешь?

- Нет. Я бросил восемь лет назад и не хочу начинать заново. Держи вино!

- Ты прав. - Маша быстро затушила окурок в хрустальной пепельнице, стоящей на тумбочке. Взяла бокал, поднесла к лицу, втянула аромат. Выдохнула: - Обалденно!

Алексей нагнулся и поцеловал ее в щеку.

- Ты пей, а я пока сбегаю в душ.

- Не задерживайся.

- Ладно.

Он быстро вышел из комнаты.

Покинув спальню, Алексей и правда прошел в ванную комнату. Запер за собой дверь, включил душ, но раздеваться не стал. Вместо этого он сунул руку за стиральную машинку и достал небольшой плоский кейс. Посмотрел на дверь, потом взгромоздил кейс на машинку, открыл кодовые замочки и откинул крышку кейса.

...Дожидаясь Алексея и попивая вино, Маша думала о том, как круто и прекрасно изменилась ее жизнь три часа тому назад, когда она позволила Алексею себя поцеловать, и о том, как будет грустно, если ее отношения с Алексеем окажутся недолговечными.

Викуся еще днем уехала к бабушке в Подольск, и Ватрушку с собой забрала. По официальной версии, Вика отправилась «помогать бабушке клеить обои». Но,

конечно же, дело тут было не в обоях. Дочка сознательно свела их с Алексеем, и Машу это немного тревожило и расстраивало. Слишком уж рано Вика стала вмешиваться в ее личную жизнь. И слишком активно это делала.

На третьем глотке веки Маши отяжелели и стали закрываться, на четвертом она зевнула, а пятый отпить так и не смогла – едва донесла бокал до губ, как пальцы ее вдруг разжались, бокал упал на простынь, а сама Маша уронила голову на подушку и закрыла глаза.

...Непонятно, что ее разбудило – то ли луч солнца, скользнувший по ее лицу, то ли нежное прикосновение пальцев Алексея к ее щеке. Маша открыла глаза и тут же прищурилась от света. Алексей был уже одет и причесан.

– Что? – сипло спросила она. – Я что, уснула?

– Да, милая. – Он улыбнулся. – Я так и не успел раскрыть перед тобой все свои таланты.

Маша шмыгнула носом.

– Прости.

– Не извиняйся. – Он нагнулся и поцеловал ее в губы. – Мы продолжим сегодня вечером. Если, конечно, ты не против.

– Я? Против? – Она протянула руки и обняла его за шею. – Да я не знаю, как доживу до сегодняшнего вечера!

Маша притянула его к себе и так крепко поцеловала, что почувствовала, как теплая волна возбуждения пробежала по ее телу от губ до низа живота.

– Возвращайся поскорее, ладно?

– Ладно. – Он выпрямился. – Не провожай меня. И передавай привет Вике, когда позвонит! До вечера!

- Ну? – спросил рыжеволосый верзила, с интересом глядя на Алексея. – Как все прошло?

- Лучше некуда, – ответил тот, помешивая ложечкой сахар в чашке с кофе.

Мимо них прошла официантка. Верзила замолчал, затем, когда она отошла подальше, продолжил:

- Девчонка ни о чем не догадывается?

- Нет, – сказал Алексей.

- Уверен?

- Уверен.

- А ее дочка?

- Тоже нет. Говорю тебе – нет никаких поводов для беспокойства.

Алексей отпил глоток кофе. Затем отодвинул от себя чашку, вынул из кармана черную флешку и протянул верзиле. Тот взял флешку и без слов положил ее в карман своего пиджака.

- Мне пора, – сказал Алексей. – Свяжусь с тобой завтра. Или сегодня – если будет что-то экстренное.

- О'кей. Кофе допивать будешь? – спросил верзила.

- Нет.

Алексей поднялся из-за стола и, не прощаясь, зашагал к выходу из кафе. Верзила проводил его взглядом, криво чему-то усмехнулся, затем взял чашку Алексея, отпил глоток, почмокал, затем пожал могучими плечами и залпом

допил остатки.

...В тот же вечер все повторилось. После любовных игр Алексей отлучился в ванную, предварительно налив Маше вина, Маша выпила вино и потеряла сознание. Алексей около получаса возился в ванной со своим кейсом (а вернее – с тем, что было в кейсе), после чего вернулся в спальню и лег рядом с Машей.

Но на этот раз он долго не мог уснуть. Смотрел на спящую Машу и о чем-то напряженно размышлял. Маша тихо дышала во сне, запрокинув голову на подушку и обнажив нежную шею. Такую нежную и такую беззащитную...

Утром Алексей снова встретился в кафе с рыжеволосым верзилой и передал ему флешку. Посмотрел, как гигант поедает уже четвертый по счету круассан, и с мрачным удивлением проговорил:

– Ким, и куда в тебя столько влезает? Ты ведь скоро в дверь не будешь проходить.

– Не переживай за меня, – успокоил его рыжеволосый Ким. – Я свою меру знаю. – Потом пронизательно взглянул на Алексея и добавил: – Что-то ты сегодня не в духе. В чем проблема?

– В том, что она считает меня слесарем-сантехником, – сказал Алексей.

– И что?

– А ты не понимаешь?

– Нет. Постой-постой... – Верзила прищурился. – Ну-ка, посмотри мне в глаза! Слушай, уж не влюбился ли ты?

Алексей дернул щекой и небрежно сказал:

– Чепуха.

– В глаза смотри!

- Отстань. Тут нет ничего личного. Просто не люблю водить людей за нос.

- Да ну? - Ким усмехнулся.

- Хватит скалиться, - сказал Алексей.

- Я не скалюсь, я морщусь, - возразил Ким. - От твоего вранья.

- Я не вру. Мне правда противно.

- В Праге ты так не говорил. И в Вене. А в Берлине полтора года назад - помнишь?

- Это было другое.

- Может, другое, а может, и нет. Слушай, может, махнем по стаканчику анестезии? Сразу увидишь мир под нужным углом. Способ-то проверенный.

- Нет. Это без меня. Да, чуть не забыл. - Он вынул из кармана маленький шестизарядный пистолет «вальтер» и положил его на стол.

- С ума сошел?! - воскликнул Ким, быстро сгреб со стола пистолет, сунул его под полу куртки и быстро огляделся. - Какого черта ты делаешь?

- Не хочу таскать его с собой. В квартире все-таки ребенок.

Верзила посмотрел на него подозрительно:

- Ты же говорил, что девчонку отправили к бабушке.

- Да, но она в любой момент может вернуться. А тут я - с пистолетом. В общем, справлюсь без «ствола».

- Уверен?

- Да.

- Ну смотри. Ты сам себе враг.

Алексей посмотрел на Кима виноватым взглядом и вдруг сказал:

- Знаешь, кажется, я и впрямь на нее запал.

- Отлично! - сказал на это Ким. - А ты женись! Она для тебя выгодная партия. Присвоишь себе все ее денежки, а потом дашь деру. Кстати, ты уже выяснил, сколько у нее миллионов?

- Ха-ха, - мрачно сказал Алексей. - Очень смешно.

Ким примирительно улыбнулся:

- Ладно, братское сердце, не обижайся. Хочешь совет? Серьезно.

- Нет, - сказал Алексей и отпил кофе.

- Я все-таки дам - по дружбе. Ты просто заигрался. И не можешь выйти из роли. У артистов такое бывает.

Алексей посмотрел на него поверх чашки с кофе и сказал:

- Я не артист.

- Нет, ты артист, - возразил Ким. - И знаешь почему? Потому что у тебя очень артистичная натура. Не спорь, я это знаю. А знаешь, что в подобных случаях делают артисты?

Алексей не ответил, и Ким продолжил:

- Чтобы выбросить из головы одну роль, они берутся за следующую. Так что заканчивай это дельце поскорее, и мы подкинем тебе следующее.

Верзила протянул руку и положил ее на плечо Алексею. Тот дернул плечом и сбросил конопатую лапу Кима. Ким посмотрел на него удивленно.

- Никогда не видел тебя таким нервным. Ты правда в порядке?

- Не знаю, - честно сказал Алексей. - Не сплю толком уже несколько ночей. Вымотался.

- Высыпайся днем, - посоветовал Ким.

- Не получается.

Ким сочувственно улыбнулся:

- Стареешь, брат. Раньше ты мог не спать по несколько суток. Помнишь, как мы зажигали на Пхукете? Ты тогда еще учил меня кататься на серфе.

- Учил. Но недоучил. Ладно. - Алексей вздохнул и провел ладонями по лицу. - Мне действительно надо выспаться. А через несколько дней все разрешится само собой.

6

Через несколько дней

- Так в чем там дело? - спросила Маша. - Почему «стакан» протекает?

- Откуда мне знать? - с досадой проговорил Алексей, споласкивая под краном руки.

- Что значит «откуда»? Ты же слесарь.

- Да, но... - Он стусевался. - У тебя трубы... другой системы. Слушай, Муся, давай не будем ссориться из-за такого пустяка. Я все почию, но потом. А пока можно просто подставить тарелку. Протечка-то небольшая.

Маша сделала над собой усилие и улыбнулась.

- Ты прав. Не будем ссориться из-за ерунды.

Алексей вытер руки и повернулся к Маше. Посмотрел ей в глаза и проговорил с нежностью:

- Ты моя прелесть. Иди ко мне!

Повторять дважды не пришлось.

...Через полчаса они лежали в постели, отдыхая. Маша смотрела на маленькую ямочку на подбородке у Алексея и улыбалась.

- Было бы здорово съездить куда-нибудь вместе на новогодние праздники, - сказала она и легонько погладила пальцами его мускулистую грудь.

Алексей улыбнулся:

- Желательно к теплому морю.

- Да. - Маша мечтательно прикрыла глаза. - К морю... Знаешь, я бы так хотела съездить куда-нибудь в теплые края. В Тунис, Египет... Или весной в Испанию и во Францию... Песчаный берег, голубая вода... Хоть раз в жизни... - Маша вздохнула и открыла глаза.

Алексей смотрел на нее удивленно.

- Ты что, правда никогда не была в Испании и во Франции? - недоверчиво проговорил он. - При твоих доходах могла бы просто слетать на уик-энд.

Маша стушевалась.

- Я... не так выразилась. Я хотела сказать, что бываю там только по делам. А так, чтобы отдохнуть, поваляться на солнышке...

– Да, бизнес – дело тяжелое, – согласился Алексей. – Особенно такой крупный, как у тебя. Кстати, ты мне до сих пор не рассказала про свою компанию.

Маша отвела взгляд и пожала плечами:

– А чего про нее говорить? Это скучно.

– Вика говорила, что ты настоящая бизнес-леди. Что ты одержима своим бизнесом, и вообще – трудоголик.

– Ну, я... – Маша запнулась, но тут же нашлась: – Я была такой, пока не встретила тебя. Ты научил меня ценить жизнь! Спасибо тебе за это!

Алексей нежно провел ладонью по Машиной щеке.

– Муся, не стесняйся того, что любишь свою работу. Женщина имеет право вкалывать в свое удовольствие. Я вот тоже люблю свою работу.

Маша недоверчиво приподняла брови:

– Ты любишь возиться с унитазами и бачками?

– Э-э... А что тут такого? Бачки – они... Они очень красивые. У каждого бачка есть своя... своя...

Алексей сбился, но, поскольку Маша продолжала ждать окончания фразы, неуклюже закончил:

– Своя душа.

На лице Маши отобразилось недоумение.

– Душа? У сливного бачка? Мы с тобой точно говорим об одном и том же?

Алексей нахмурился:

– А по-твоему, слесарь не может любить свою работу?

– Не знаю. – Маша неуверенно улыбнулась. – Я бы точно не смогла влюбиться в бачок.

По лицу Алексея пробежала тень досады.

– Да что ты привязалась к этим бачкам?

– Прости, – сказала Маша. И не выдержала, добавила иронично: – Просто говорить про бачки лучше, чем про унитазаы.

Алексей вскочил с кровати, повернулся к ней и произнес раздраженно:

– В тебе говорит твой снобизм. И твой кошелек.

– А в тебе – твои классовые комплексы, – парировала Маша. – Кстати, насчет труб и кранов... Ты бы прикрылся.

Алексей опустил взгляд, смутился, схватил с кровати покрывало и быстро намотал его на бедра, прикрывая пах.

– Ладно, закрыли тему, – сказал он. – В спальне стало жарковато. Пойду принесу тебе холодного вина.

Он повернулся, чтобы идти, но Маша сказала:

– Я не хочу вина.

Алексей обернулся.

– Да ладно, – недоверчиво проговорил он. – Это ведь твоё любимое.

– Сказала – не хочу.

– Почему?

– Какая разница почему? Настроения нет.

– Даже пару глотков?

Маша сдвинула брови.

– Слушай, чего ты ко мне пристал с этим вином? У меня уже от него изжога.

– От сто долларового «Шардоне»? – удивился Алексей.

Маша фыркнула и сказала:

– Оказывается, ты бываешь невыносим. Спокойной ночи!

Она повернулась на другой бок и затихла. Некоторое время Алексей стоял возле кровати с растерянным видом. Потом что-то с досадой пробормотал и вышел из спальни.

Проснулся он от грохота. Кто-то барабанил по двери ванной. За окном светило солнце, и первое, что почувствовал Алексей, когда пришел в себя, – это свинцовую тяжесть онемевшей руки, на которую он, засыпая, положил голову. Уснул он на полу, у стиральной машины, и от такой «нежной» постели затекла не только рука, но и шея с плечом.

«Я заснул! Аппаратура!» – молнией пронеслось в голове у Алексея. Он молниеносно вскочил на ноги, и в этот миг дверь ванной комнаты распахнулась, и на пороге возникла Маша.

Алексей быстро шагнул в сторону, заслоняя подоконник и все, что на нем было.

– Алеша! – воскликнула Маша, глядя на бледное лицо Алексея и на его взъерошенные волосы. – Что случилось? Почему ты не отзывался?

– Я...

– У тебя все в порядке?

Она шагнула к нему.

– Да, – пробормотал Алексей.

В глазах Маши стояла тревога.

– Ты какой-то бледный. У тебя проблемы?

– С чего ты взяла?

– Я проснулась минут двадцать назад. Ждала тебя, ждала... Потом прошла к ванной. Вода не лилась, но я услышала, как ты стонешь и хрипишь.

Алексей молчал, мучительно соображая, как выпроводить Машу из ванной. Мозг еще не проснулся окончательно, мысли ворочались тяжело.

– Муся, ты...

Она посмотрела на него снизу вверх и вдруг проговорила тихим, дрогнувшим от жалости голосом:

– Прошу тебя, не скрывай от меня ничего. У многих мужчин бывают с этим проблемы. Тут нечего стыдиться.

– «С этим»? – не понял Алексей.

– Да. – Она ободряюще улыбнулась. – У моего бывшего тоже такое было. Но потом все прошло. Главное – не запускать проблему и вовремя ею заняться.

– Какую проблему? – опешил Алексей. – О чем ты говоришь?

– О простатите, – мягко сказала Маша. – Мой бывший тоже не мог спокойно пописать. – Она протянула руку и погладила Алексея по небритой щеке. – Бедненький ты мой. Представляю, как тебе было больно.

Алексей не нашелся, что на это ответить, лишь озадаченно промычал:

- Э-э... Ну... Да.

- Ничего. - Она обняла Алексей за плечи и прижалась к нему. - Мы тебя вылечим. Моя подруга Женька - отличный уролог. Мы покажем ей твоего «дружка», и она быстро приведет его в порядок.

Алексей нахмурился.

- Я не хочу показывать своего «дружка» твоей подруге, - сказал он.

- В этом нет ничего зазорного, - сказала Маша, нежно поглаживая ладонью его плечо. - Она ведь врач.

- Ладно. Раз ты этого так хочешь. - Алексей хмыкнул. - Она хоть симпатичная?

- Кто? - не поняла Маша.

- Ну, эта твоя Женька.

Маша слегка отстранилась, удивленно и подозрительно посмотрела ему в глаза:

- А какая разница?

- Я эстет, - сказал он с кривой улыбкой. - Хочу, чтобы мой «дружок» оказался не только в надежных, но и в красивых руках. Так она симпатичная?

Пару секунд Маша мрачно смотрела ему в глаза, а потом проговорила:

- Дурак.

- Прости, но ты сама начала...

– Тебе лучше уйти, – перебила Маша холодным голосом. – Я провожу тебя до двери.

– Я знаю дорогу.

– Ничего. Квартира большая, вдруг где-нибудь затеряешься. Пошли!

7

В кафе было шумно. Народ уже начал отмечать новогодние праздники. Почти все столики были заняты, в зале галдели, шумели, смеялись, и Алексею приходилось наклоняться близко к Киму, чтобы его слова были услышаны. Да так, что он дважды чуть не смахнул со столика свою чашку с кофе.

– Ким, кажется, мне больше нет хода в эту квартиру, – едва ли не в самое ухо верзиле сказал он.

– Почему? – удивился Ким.

– Мы разругались с Машей.

Ким неопределенно хмыкнул. Подумал и заметил невесело:

– Жаль. Удобная была хаза.

– Есть еще кое-что. Я оставил в квартире кейс с оборудованием.

Массивное лицо Кима чуть вытянулось, он недоверчиво уставился на Алексея.

– Что? Ты в своем уме?

– Так получилось. – Алексей старался не смотреть верзиле в глаза. – У меня не было возможности его забрать.

Ким нахмурился и побарабанил толстыми пальцами по столу.

- Если она увидит кейс...

- Не увидит, - сказал Алексей. - Он спрятан. И сегодня я за ним вернусь.

- Когда?

- Как только стемнеет.

Взгляд Кима потеплел.

- Ты решил с ней помириться? Правильное решение. А если не получится?

- Нет, мириться я не буду. У меня есть ключ от квартиры. Я просто тихонько войду, заберу кейс и слиняю. Она ничего не узнает.

- Надеюсь, так и будет. Ты ведь понимаешь, что если она обо всем узнает, нам придется ее...

- Не узнает, - перебил Алексей. - Ладно. Пойду домой и вздремну пару часов.

- Кофе допивать будешь?

Алексей посмотрел на Кима, потом на чашку и сухо сказал:

- Буду.

...Пока Алексей допивал кофе, на другом конце города Маша сидела в кресле и жаловалась по телефону своей подруге на жизнь.

- Вот так, - сказала она, закончив.

- Значит, поссорились. - Женька, лежа в своей постели с телефонной трубкой возле уха, отпихнула от себя настойчиво пристающего мужа. - Ну, ничего, - сказала она в трубку. - Мусенька, все пары время от времени ссорятся. Иногда даже дерутся. Кстати, он тебя не ударил?

- Нет.

- Слава богу, - сказала Женя, но в голосе ее проскользнул оттенок разочарования.

Муж спустил одеяло с груди Женьки и полез с поцелуями, но Женька его оттолкнула.

- Подожди ты! - шепотом прикрикнула она на мужа. - Сейчас не до тебя. У Муськи проблемы.

- Жень, ты еще здесь?

- Да-да, - быстро отозвалась Женька. - Ты что-то сказала?

- Я сказала, что он явно от меня что-то скрывает. Мне даже кажется, что он... совсем не тот, за кого себя выдает.

- Не слесарь?

- Нет.

- А тогда кто?

- Не знаю. Но в трубах он разбирается не больше меня.

- Ну, дела... - Женя снова оттолкнула от себя страждущего ласки мужа. - Так. А в квартире ничего не пропало? Ты проверяла?

- Да вроде не пропало. По крайней мере, я ничего не заметила.

- И что думаешь делать дальше?

- Наверное, позвоню ему. И попрошу прощения. Ведь это я полезла в его частную жизнь. Проявила бестактность, можно сказать.

Муж снова полез целоваться, и сдерживать его сексуальный напор Женьке становилось все труднее и труднее.

- Ни в коем случае! - крикнула она в трубку, отбиваясь от мужа. - Жди, пока он сам приползет к тебе на коленях. Один раз дашь этим кобелям поблажку, и пиши пропало.

Муж все-таки стянул с Женьки одеяло и теперь покрывал ее тело нежными поцелуями, спускаясь все ниже и ниже. У Женьки перехватило дыхание.

- Слушай, Мусь, - хрипло проговорила она, - у меня тут срочное дело. Я тебе перезвоню через полчаса, хорошо?

- Хорошо.

- Ну, пока!

И, не дожидаясь ответа, Женька швырнула мобильник на тумбочку. Муж поднял от ее живота свою растрепанную голову.

- Ну, что? - весело проговорила Женька. - Не мог подождать пять минут?

Муж встал на четвереньки и зарычал.

- Ну, хорошо! - Она протянула руки. - Иди ко мне, мой тигр!

Муж бросился на нее, изображая дикого зверя, и закопался лицом у нее в груди. Женька счастливо захохотала, схватила мужа за уши, отняла его голову от своей груди, затем притянула к себе и впиалась поцелуем ему в губы.

Маша, по-прежнему сидя в кресле с трубкой возле уха, негромко окликнула подругу:

- Женька? Женька, ты еще здесь?

Женька не отозвалась, но зато до слуха Маши донеслись такие звуки, что она поспешно отняла от уха трубку и хотела отключить связь. Но помедлила и, не в силах бороться с искушением, снова поднесла мобильник к уху.

– Да не там же! – услышала она томный и хрипловатый Женькин голос. – Ниже!.. Чуть выше!.. Да-а! О-о-о...

Маша хмыкнула и убрала трубку от уха.

– Везет же некоторым, – с досадой произнесла она.

8

Когда Алексей, стоя в темной прихожей, осторожно выглянул из-за угла, он увидел картину, которая не могла его обрадовать. Маша, Викуся, Женька и ее муж Славик сидели за праздничным столом, держа в руках бокалы с шампанским. А на экране включенного телевизора президент страны громко перечислял достижения и высоты, которые «страна достигла за минувший год».

Алексей быстро скрылся и, прижавшись спиной к стене, прошептал:

– Ч-черт.

– Что такое? – донесся из наушника встревоженный голос Кима.

– Я совсем забыл, что сегодня новогодний вечер, – прошептал Алексей в микрофон, пристегнутый к вороту пальто.

Ким фыркнул из наушника:

– Сразу видно, что ты холостяк. Она с кем-то отмечает?

– Да. Здесь ее дочь Вика. И еще какая-то парочка – тощая брюнетка с большой грудью и ее мужик.

– Мужик здоровый?

- Типа тебя.

- Тогда действуй потише, чтобы он не разобрал тебя на запчасти.

- Постараюсь.

Алексей опустил взгляд и увидел Ватрушку. Собачка стояла прямо перед ним, с любопытством глядя на него своими тускло мерцающими глазенками.

Он поднес палец к губам и тихо проговорил:

- Тсс.

Ватрушка слабо твякнула, затем повернулась и засемила в гостиную. Алексей облегченно выдохнул, затем отлип от стены, осторожно пробрался к ванной комнате, бесшумно открыл дверь и проскользнул внутрь. Из гостиной донесся волнующий звук курантов, отбивающих полночь. Алексей включил фонарик, затем шагнул к стиральной машинке и сунул руку за ее заднюю панель. Рука ничего не нащупала. Он пошарил еще. Пусто.

- Что за...

И в эту секунду в ванной ярко вспыхнул свет. Алексей быстро оглянулся на дверь и увидел Машу.

- Маша! - сипло воскликнул он.

Она прищурилась и произнесла с холодной иронией:

- А ты кого ожидал увидеть? Деда Мороза?

- Я... - Он осекся.

- Что-то потерял?

Алексей молчал, понимая, что прокололся и что прощения ему за этот прокол не будет.

- Случайно не это? - снова спросила Маша и вынула из-за спины кейс.

Пару секунд они молчали. Первой молчание нарушила Маша.

- Ты скажешь мне, что это? - резко спросила она.

- Это мое... слесарное оборудование, - сказал Алексей.

- Вот оно что! Наверное, ты собирался сделать мне сюрприз и починить ванну? Я угадала?

Алексей хмыкнул.

- Почти.

Маша положила кейс на край ванны. Щелкнула замочками и открыла его. Алексей с изумлением посмотрел на открытый кейс, перевел взгляд на Машу.

- Как ты узнала код?

- Вспомнила кое-что. - Она усмехнулась. - Восемь. Три. Два. Один, один. Восьмое марта две тысячи одиннадцатого года. День, когда ты развелся. Давай-ка посмотрим, что в кейсе.

Она достала из кейса планшетник.

- Это что, компьютер? Зачем слесарю компьютер?

- Он нужен мне для работы.

- А электронный бинокль? - Она вынула бинокль. - Он тоже нужен тебе для работы?

Алексей пожал плечами:

- Ну, да. Ювелир тоже выставляет в глаз лупу, но тебя ведь это не удивляет.

Маша снова перевернула вещи в раскрытом кейсе.

- Электронные носители... Записная книжка...

Алексей помолчал немного, собираясь с мыслями, затем негромко проговорил:

- Маша, я должен тебе кое-что сказать. Это не слесарные инструменты. И я не слесарь.

- Вот как? - Она вскинула голову и прищурилась. - И кто же ты?

- Я вор.

- Что? - растерялась Маша.

- Это элитный дом, здесь живут богатые люди. В квартирах полно всякого ценного барахла. Вот я и решил тут разжиться.

- Но... бинокль, - растерянно вымолвила Маша.

- Он нужен был, чтобы следить за одной из квартир. Я собирался ее «обнести».

Маша с оцепеневшим лицом и с биноклем в руках прошла к окну.

- Где эта квартира? - деревянным голосом спросила она. - Покажи мне.

Алексей встал рядом с ней и показал пальцем на одно из окон.

- Вон оно. С красными шторами. На этаж ниже тебя.

Маша поднесла бинокль к глазам и посмотрела на окно с красными шторами. Отняла бинокль от глаз и перевела взгляд на Алексея. Секунда молчала, а потом тихо проговорила:

– Значит, ты использовал меня?

– Совсем нет, – быстро сказал Алексей. – Если бы я хотел тебя использовать, я бы просто обворовал твою квартиру. И смылся бы, пока ты спишь. Это все никак не связано с нашими с тобой отношениями. Поверь!

Некоторое время Маша о чем-то размышляла, а потом взгляд ее вдруг посветлел, она посмотрела на Алексея и спросила:

– Тебе стало легче от того, что ты мне во всем признался?

– Да, – сказал Алексей и напряженно улыбнулся. – Намного. Просто камень с души упал.

– Ладно, – выдохнула Маша. – Вот как мы поступим. Мы поедем в полицию, и ты во всем сознаешься.

Алексей опешил.

– Что, прямо сейчас?

– А зачем тянуть? Как там у вас говорят? «Раньше сядешь – раньше выйдешь». Разве не так?

– Так, но...

Вдруг он осекся и уставился на освещенное окно с красными шторами.

– Прости! – Алексей с силой вынул из ее пальцев бинокль и поднес его к глазам. Секунду смотрел, а затем вымолвил яростно: – Черт!

Опустил бинокль и быстро шагнул к двери.

- Куда ты?! - окликнула его Маша. - Мы еще не закончили!

- Прости, - снова сказал он и вышел из ванной.

Из холла донесся глухой звук удара, затем тихий стон, а секундой позже - шум упавшего на пол тела. Маша выскочила из ванной и увидела лежащего на полу Алексея. Славик стоял над ним, потирая правый кулак. Рядом, с выпученными от любопытства и страха глазами, стояли Женька и Викуся.

- Что произошло? - испуганно спросила Маша.

Славик усмехнулся и самодовольно проговорил:

- Я его вырубил. Хуком справа.

- Зачем?

- Он ведь преступник. Я его обезвредил.

Женька моргнула длинными ресницами и с сочувствием проговорила:

- Прости, Муся, но мы все слышали.

- Mamочка! - Викуся бросилась к матери и обняла ее. - Прости, что привела его в дом!

- Ничего. - Маша погладила дочку по голове, затем отстранила ее и подошла к распростертому на полу Алексею. Присела рядом и ощупала его шею.

- Да не бойся, это всего лишь нокаут, - пробасил Славик. - Через пару минут он придет в себя. Говорю тебе, как камээс по боксу.

Маша выпрямилась. Обвела напряженные лица взглядом и сказала:

- Ладно. Побудьте с ним, а я пойду предупрежу хозяев квартиры. Вдруг у него есть сообщники?!

– Может, нам вызвать полицию? – неуверенно спросила Викуся.

Маша покачала головой:

– Нет. Я хочу с ним поговорить. Сама.

– Зачем тебе это? – удивленно спросила Женька.

– Затем, что я его люблю.

Женька и Викуся уставились на Машу расширившимися от удивления глазами, а Славик разомкнул губы и сказал:

– Да, но ведь он...

– Знаю, – сказала Маша. – Но сердцу не прикажешь. Приложите ему лед к лицу. И подложите под голову подушку. Я скоро!

Маша сунула ноги в унты, накинула куртку и вышла из квартиры.

9

После первого звонка никто не открыл. Маша позвонила снова. Подождала. Опять тишина. «Странно, – подумала Маша, – ведь в квартире горел свет». Она задумчиво, почти машинально положила пальцы на дверную ручку и слегка надавила. Раздался тихий щелчок – дверь чуть приоткрылась.

Маша, секунду поколебавшись, открыла дверь шире и вошла в холл.

– Эй! – окликнула она. – Есть кто-нибудь дома?

В ответ – ни звука. Маша огляделась. Квартира была похожа на ту, в которой жила она сама. Оформлена иначе (хай-тек, черно-белые стильные фотографии), но так же богато.

– Я ваша соседка из бокового крыла! – громко сказала Маша. – Дверь была открыта!

Никто не отзывался. Маша прошла в комнату. Люстра ярко освещала дорогой диван, стеллажи с сувенирами, отражалась в огромном экране телевизора.

– Кто вы? – негромко проговорил мужской голос у нее за спиной.

Маша вздрогнула, обернулась. Перед ней стоял невысокий полноватый мужчина в мятой льняной рубашке и светлых брюках, с чуть одутловатым удивленным лицом. В руке он держал зубную щетку.

– Здравствуйте! – Маша вежливо улыбнулась. – Я ваша соседка. Меня зовут Мария Светлова.

– Очень приятно. – Он неуверенно улыбнулся. – И что вас сюда привело, соседка Мария?

– Я... – Маша сглотнула слюну от волнения. – Я хотела вас предупредить.

– О чем?

– За вашей квартирой следят. Советую вам сменить замки. И еще... купите собаку – с ней будет надежнее.

Мужчина растерянно моргнул.

– Ничего не понял. Какие замки? Какие собаки? Кто за мной следит?

– Один... вор. Он... – Маша замялась. – Он следил за вашим окном в бинокль. Я видела. Из окна подъезда.

– В бинокль? – удивился мужчина. И посмотрел на окно гостиной.

Он вдруг двинулся с места, подошел к окну и задернул шторы.

– Ладно, – сказала Маша, чувствуя себя так глупо, что ей захотелось уйти отсюда побыстрее. – Я выполнила свой гражданский долг. Теперь мне пора идти.

– Не спешите, – сказал мужчина. И мило, совершенно по-домашнему ей улыбнулся. – Уверен, что все не так страшно, как вы описали, но в любом случае спасибо. Могу я напоить вас чаем? У меня есть превосходный черничный джем.

– Я не...

– Сегодня новогодняя ночь, а я встречаю ее один, – с виноватой улыбкой сказал мужчина. И добавил, состроив брови «домиком»: – Оставайтесь хотя бы на десять минут.

Маша колебалась. С одной стороны, ей было жаль этого милого толстячка, в квартиру которого она так бесцеремонно ворвалась. С другой – дома ее ждали дочь, друзья и... Алексей.

– Спасибо, но мне пора, – сказала она. – И не забудьте об осторожности. Да, и с Новым годом вас!

Маша повернулась к двери, но не успела сделать и шага, как стальные пальцы сдавили ей сзади шею. Маша вскрикнула – и вдруг увидела перед собой Алексея. Он стоял у двери гостиной.

– Стой на месте и не дергайся, – холодным, зловещим голосом приказал ему толстяк, продолжая сжимать шею Маши.

Маша обомлела от ужаса и боли. Она попробовала сбросить руку толстяка, но у того была железная хватка. Что-то твердое ткнулось ей в висок, она скосила глаза и увидела серебристый ствол пистолета.

– Не трогай девушку, – сухо сказал Алексей толстяку. – Она здесь ни при чем.

– Да ну? – Толстяк ухмыльнулся. – Выверни карманы! – приказал он затем.

Алексей послушно вывернул карманы. Толстяк резко толкнул Машу вперед, Алексей подхватил ее и сжал в объятиях.

- Сколько вас? – спросил толстяк.

- Двое, – сказал Алексей.

- Внизу кто-нибудь ждет?

- Нет.

Толстяк направил дуло пистолета на Машу и коротко приказал:

- На колени! Оба!

- Я не собираюсь вставать на колени, – подрагивающим от ужаса и гнева голосом сказала Маша.

- Придется, – тихо проговорил Алексей. – Иначе он нас убьет.

- Уж будьте уверены, – ухмыльнулся толстяк.

Алексей и Маша опустились на колени.

- Кто он такой? – хриплым голосом спросила Маша.

- Преступник, – ответил ей Алексей. – Профессиональный убийца. Его разыскивают по всему миру.

- А ты?

- Сотрудник Интерпола.

Маша покосилась на Алексея, потом перевела взгляд на толстяка и спросила:

- Он... нас убьет?

- Это вряд ли, – сказал Алексей.

По лицу толстяка пробежала тень.

- Что? – сухо спросил он.

- Ким, пора! – крикнул вдруг Алексей.

И толкнул Машу на пол, бросился сверху, прикрывая ее своим телом. Громко звякнуло разбитое стекло. Лицо киллера оцепенело, он еще секунду стоял неподвижно, а затем ничком рухнул на пол.

Из его толстой шеи, с задней стороны, торчала маленькая стрела-ампула с красным оперением.

Алексей вскочил на ноги, шагнул к киллеру и быстро вынул из его руки пистолет. Сунул пистолет в карман пальто. Затем подошел к пробитому окну, поднял руку и показал кому-то пальцы, сложенные в знак «ОК».

- Что случилось?! – недоуменно и испуганно крикнула Маша. – Что с ним?! Он умер?!

- Нет, – ответил Алексей и с облегчением вытер рукавом пальто вспотевший лоб. – Через полчаса придет в себя. Это дротик-шприц со снотворным. – Алексей протянул ей руку. – Тебе больше незачем сидеть на полу, – с улыбкой сказал он.

Они снова расположились за праздничным столом, но теперь их было шестеро: Маша, Викуся, Женька, Славик, Алексей и верзила Ким. Перед каждым из них стоял бокал с шампанским, но никто не пил, все слушали Алексея.

- Мы выслеживали его полтора месяца, – рассказывал тот. – В этой квартире живет его подружка. Мы были уверены, что он когда-нибудь объявится. Маша, в тот день, когда мы с тобой познакомились, я устанавливал в ее квартире прослушку. Случайно встретился с твоей дочкой...

- Случайностей не бывает, – быстро и веско вставила Вика.

– Я тоже так подумал, – улыбнулся Алексей. – Хотя сразу понял, что ты приняла меня за другого. Ну, а потом... Потом все завертелось. Твоя квартира оказалась очень удобной для наблюдения за киллером. Дело в том, что этот парень всюду приходит... то есть приходил ночью. Как ночной хищник.

– Но как ты оказался в квартире? – нетерпеливо спросила Маша. – Я ведь оставила тебя на попечение Славику. А он парень крепкий.

– Камээс по боксу, – вставил Славик негромко, но со значением.

Алексей улыбнулся:

– Да, Славик парень крепкий. Но драться мне с ним не пришлось. Вскоре после того, как ты ушла, я очнулся. Объяснил ребятам ситуацию. Они мне поверили. В машине на улице меня ждал Ким. Он мой напарник. Я вызвал его для подстраховки, попросил прихватить с собой ружье с дротиками, а сам отправился за тобой. Вот и вся история.

– Ура! – весело сказал Ким. – А теперь давайте, наконец, выпьем!

Он поднял свой бокал. Остальные последовали его примеру.

– Ты меня спас, – сказала Маша, глядя на Алексея.

– Не я – Ким. Он спас нас обоих.

– Ты хотя бы Алексей?

– Алексей, Алексей, – весело ответил за него Ким. – Капитан Алексей Щеголев! Мой друг и коллега!

Маша облегченно вздохнула:

– Слава богу. Не придется привыкать к другому имени.

– Привыкать? Значит, ты меня... простила?

– Заткнись, – тихо сказала Маша. – Просто помолчи. – И добавила усталым голосом: – Слишком много информации для одного вечера.

– С Новым годом! – громогласно провозгласил Ким.

– И ура Интерполу! – радостно поддержала его Викуся.

Все стали весело чокаяться, а Маша нагнулась к Алексею и негромко произнесла:

– Кстати, я тебе говорила, что квартира, в которой я живу, не моя?

– Что? – не понял Алексей. – Как не твоя?

– И компании у меня никакой нет. Это все выдумала моя дочь. – Маша внимательно посмотрела ему в глаза. – Что ты об этом скажешь?

Алексей улыбнулся и ответил:

– Скажу, что у тебя классная дочь! С новым счастьем!

Маша засмеялась, и он поцеловал ее в смеющиеся губы.

Дарья Донцова

Кекс от сапожника

Пироги должен печь пирожник, у сапожника они не очень хорошо получаются.

Мой чемодан на ленте транспортера оказался одним из последних, я схватила его и рысью понеслась на остановку такси. Купив билет на самолет, который вылетал из Костюково в Москву в восемь утра, я сначала расстроилась. Это во сколько же мне придется вставать? В аэропорт нужно приехать за три часа до посадки, а я не умею быстро собираться и терпеть не могу вскакивать с кровати ни свет ни заря. Но билетов на другие рейсы не было, тридцатого декабря все

хотели переместиться в столицу.

- Зачем тебе домой? - спросила Катя, к которой я прилетела на свадьбу несколько дней назад. - Оставайся, вместе встретим Новый год.

- Спасибо, но нет, - отказалась я, - у нас традиция. Мы собираемся за столом всей семьей. Мопс Хуч изображает Деда Мороза, пуделиха Черри - Снегурочку, остальные собаки наряжаются зайчиками. И мне надо испечь рождественские кексы, без них нет новогоднего праздника.

- Бороду вы Хучу приклеиваете или привязываете? - полюбопытствовала Катюша.

- Она на резинке, а тесто для кексов я делаю по особому секретному рецепту, мои маффины самые вкусные, - объяснила я и пошла складывать чемодан.

Через полчаса мне стало понятно: все подарки, которые Екатерина передает Маше, Александру Михайловичу, моему мужу Феликсу, собакам и ворону Гектору, в небольшой саквояж не влезают. В тот момент, когда я пыталась утрамбовать в него трехкилограммовую жестянку с собачьими конфетами, в комнату вошла Катерина со словами:

- Чуть не забыла! Вот еще бутылка коньяка для полковника.

- И без нее ничего не помещается, - расстроилась я, - и в салон с таким количеством спиртного никогда не пустят.

- Ерунда, - отмахнулась Катюша, - возьми мой чемодан, в него можно даже слона запихнуть.

- Тогда придется багаж ждать, - заныла я, - лишний час в Шереметьеве стоять, а с кабинным саквояжем...

- А с кабинным мои подарки до Маруськи, Дегтярева и остальных не доберутся, - перебила подруга.

Делать нечего, пришлось согласиться с Катей. Сдавая чемодан, я с запозданием сообразила, что у него на ручке нет бирки с моим номером телефона. Если он потеряется, мне не сообщат. Но никаких неприятностей не случилось, правда, мой багаж появился в зале прилета одним из последних.

Я быстро добралась в Ложкино, решила достать подарки, залезла в чемоданчик и увидела... совершенно незнакомые вещи.

Сверху лежал красивый ярко-фиолетовый кашемировый свитер моего размера, под ним обнаружилась черная юбка-карандаш, несколько блузок, две пары туфель в мешочках, всякие мелочи, а на дне лежали папки с какими-то документами.

Несколько минут я в растерянности пялилась на все это великолепие, потом опомнилась. Хватит тарашиться на чужое барахло, даже если я весь день буду гипнотизировать бумаги, они не превратятся в бутылку коньяка для Дегтярева. Понятно, что кто-то перепутал багаж, схватил мой и унесся. Сейчас у многих людей одинаковые чемоданы, поэтому и нужны бирки. Умная женщина снимет багаж с транспортера и посмотрит, кому он принадлежит. Ключевое слово здесь «умная». Увы, и я, и незнакомый мне пассажир оказались из другой стаи.

Дверь в мою спальню приоткрылась, я села прямо в раскрытый чемодан и заулыбалась. Ни за что не расскажу, что приключилось. Но в комнату вместо кого-то из домашних вбежала Афина, в зубах она держала пакет. Увидев меня, собака шлепнулась на живот и быстро заползла под кровать.

Я встала.

– Афина, что и у кого ты сперла?

– М-м-м, – заворчала она в ответ.

Я опустилась на колени.

– Фина, мы не первый год вместе, и все в доме отлично знают, что ты обожаешь утаскивать пакеты. Причем не пустые, а набитые. В пятницу ты сперла из бани пластиковую сумку с купальниками и закопала ее под своим матрасом, не знаю,

как ты, дорогая, развлекалась в мое отсутствие, но сейчас я вижу мешок из супермаркета. Ну-ка...

Я вытащила добычу собаки из-под кровати.

– Журналы! Зачем тебе глянцевого издания, которые с упоением читает Ира? Просто безобразие!

Афина обиженно заворчала, но наружу не выползла. Я вышла из спальни, спустилась на первый этаж, вернула пакет в комнату домработницы, вернулась назад и позвонила Кате. У нее сработал автоответчик:

– Всем привет. Если кто забыл, напоминаю: у нас с Гариком медовый месяц. Не звоните нам, вернемся через неделю.

Я присела около открытого чемодана и только сейчас увидела бирку на его ручке. Ура! У меня есть телефон того, кто, вероятно, забрал мой багаж. Я быстро набрала номер, в ухо ворвался чуть хриплый женский голос.

– Вы позвонили Елене Касаткиной. Прошу не беспокоить, у меня мигрень, я легла спать.

Я прекрасно знакома с мигренью. Поэтому знаю, что во время приступа лучше всего заползти под одеяло и постараться заснуть. Незнакомая мне Елена дома, но ее нельзя беспокоить. Но головная боль может длиться несколько дней, в моем чемодане новогодние подарки, да и знакомой Касаткиной, наверное, хочется получить свой саквояж, в нем какие-то документы, наверное, они ей очень нужны. Надо поехать к ней и обменяться вещами. Но ее адрес мне неизвестен.

Я опять схватилась за трубку. Ну, это не беда, сейчас Гена, мой друг, сотрудник отдела Дегтярева, живо узнает, где живет Елена. Зная мобильный номер, это сделать нетрудно.

Через полчаса я, озираясь по сторонам словно неопытный домушник, поспешила в прихожую.

– Вы куда? – крикнула мне в спину домработница Ира. – Хотели вечером свои кексы печь.

– Скоро вернусь, – пообещала я, – не подходи к кастрюле с тестом, еще испортишь его.

– Это вряд ли, – пробурчала Ирка, – оно у вас и без меня... м-да... очень вкусное.

Я села в машину и поехала в Куркино.

* * *

Нажимать на звонок пришлось долго, дверь никак не хотели открывать, наконец раздался тихий голос:

– Кто там?

– Здравствуйте, Елена, – обрадовалась я, – меня зовут Дарья. Извините, что разбудила.

В ответ не раздалось ни звука.

– Елена, вам плохо? – испугалась я. – Может, «Скорую» вызвать? Вы уверены, что у вас мигрень? Вдруг давление сильно подскочило? Мы перепутали багаж в аэропорту, привезла ваш чемодан, хочу обменять его на свой.

Послышалось тихое пощелкивание, дверь распахнулась, я увидела стройную женщину в темно-синих джинсах, красном свитере и сразу узнала ее. Касаткина сидела через проход от меня, весь полет до Москвы она печатала что-то на айпаде. Я обратила внимание на эту пассажирку из-за ее внешности. Темные волосы Елены были уложены в замысловатую вечернюю прическу, на лице был парадный макияж, явно сделанный ради какого-то праздника. Поскольку косметика слегка «потекла», я подумала, что незнакомка веселилась всю ночь напролет и приехала в аэропорт прямо с тусовки. Переодеться в обычную одежду она успела, а вот смыть красоту нет. Помнится, я позавидовала работоспособности женщины. Рейс был ранний, три четверти пассажиров сладко похрапывали в креслах, меня саму тянуло в сон, а эта дама как ни в чем не

бывало что-то писала.

- Вот ваш чемодан, - улыбнулась я, - отдайте мой.

- Спасибо, - прошептала хозяйка и потерла запястья, - мне хочется лечь. Голова болит. Мигрень.

- Очень хорошо вас понимаю, - сказала я, - уже уйду, но мне надо забрать свой багаж.

Елена съежилась.

- Ваш багаж?

- Да, - подтвердила я, - такой же серый чемодан, который взяли вы или... Вы его не брали? Поняли, что это чужой, и оставили в аэропорту?

- А-а-а-а, - протянула хозяйка квартиры и вновь потерла запястья, - ясно, я вспомнила вас. Вы сидели через проход.

- Верно, - согласилась я.

- Мы хорошо долетели, кормили вкусно.

Я удивилась, на мой взгляд, ничего оригинального нам не предложили, обычный набор, но из вежливости решила согласиться:

- Вы правы. Еда была замечательная.

- «Аэрофлот» очень старается, - продолжила Касаткина, постоянно потирая запястья.

Я опешила.

Если память мне не изменяет, нас везла другая компания. У меня накопительная карточка «Аэрофлота», и моя жаба горестно вздыхала, оплачивая билет.

Жабенка понимала, что этот полет бонусов госпоже Васильевой не принесет.

- В особенности мне понравились макароны, - продолжала странный разговор Лена, - такие смешные, в виде машинок. Тальятелле.

- Ага, - протянула я, не зная, как реагировать на слова Касаткиной.

Пастой пассажиров на борту не баловали. Нам подали стаканчик кофе, несколько булочек, пару ломтиков сыра, масло и крохотную баночку джема. Все это не очень-то изысканно и, кстати, тальятелле никогда не бывают похожи на автомобили, это лапша, только не короткая, а длинная.

- Дорогая, что случилось? - спросил крепкий мужчина, выходя в прихожую.

На нем был короткий халат, судя по расцветке, явно женский, под ним темнели брюки, из-под которых виднелись черные ботинки на толстой подошве.

- Вот она перепутала наши чемоданы, - неожиданно бойко зачастила Лена, - привезла мой, хочет забрать свой.

- Отлично, - кивнул незнакомец. - Эй, Витя, прикати сюда багаж.

Послышался стук, в холле возник мой саквояж, его толкал тощий высокий белобрысый парень в джинсах.

- Забирайте, - велел первый мужик.

- Спасибо, - пробормотала я, - извините, пожалуйста, что доставила вашей жене неприятности.

- Ничего, до свидания, - отрезал дядька.

- Прекрасные тальятелле «Аэрофлот» подает, - тоскливо произнесла Елена, - мы сегодня утром их в самолете ели.

- Витя, уведи свою сестру, - распорядился крепыш.

Парень в джинсах взял Касаткину под руку.

- Пошли, тебе надо лечь.

Лена покорно двинулась в сторону коридора.

- Моя жена страдает мигренями, - неожиданно приветливо пояснил хозяин, - когда на нее накатывает, она пьет таблетки горстями и делается неадекватной. Несет чушь. Не обращайтесь внимания. Наверное, она просто проголодалась, Лена обожает макароны. Пойду сварю ей спагетти.

Произнося сей спич, он выпихнул мой чемодан из прихожей на лестницу. Я вышла за порог, дверь в квартиру захлопнулась.

Сев в машину, я набрала телефон Дегтярева и рассказала ему историю с чемоданом.

- Почему-то меня произошедшее не удивляет, - заворчал толстяк, - хорошо, что ты не махнулась с кем-то головой. Хотя... может, заполучив чужой мозг, ты перестанешь вести себя по-идиотски.

- С Леной что-то не так, - перебила я полковника, - очень странно она себя вела.

- Ммм, - простонал Александр Михайлович, - чем ты в самолете занималась?

- Книгу читала, - удивилась я вопросу.

- Очередную Смолякову?

- Да, - подтвердила я, - мне здорово повезло, в аэропорту продавали новый роман Милады «Странная тетя Лошадь».

- Понятно, - протянул Дегтярев, - езжай домой, разложи вещи, выпей чаю, посмотри телик, наряди елку, короче, займись чем-нибудь полезным. Но, очень прошу, не делай двух вещей: не пеки рождественские кексы и не прикасайся к детективам Смоляковой.

- Почему? - не поняла я.

Дегтярев откашлялся.

- Скажу честно. Твои маффины жуткая гадость. Сверху они всегда подгоревшие, а внутри полусырые. Не знаю, коим образом ты ухитришься достичь столь странного эффекта. А еще они с начинкой из мелких камней.

- Внутри орехи, изюм и специи, - рассердилась я, - у меня лучшие в мире рождественские кексы, и Маша, и все друзья, которым я маффины дарю, да и ты сам их всегда нахваливаете. И при чем тут Смолякова? Я обожаю ее криминальные истории.

- Дашенция, - вздохнул Дегтярев, - конечно, тебе говорят приятные слова. А как поступить, когда в руки суют коробочку с кособоким маффином и щебечут: «С Новым годом! Я испекла для тебя вкуснятин, попробуй. Ну как? Нравится? Чудный кекс? Да? Нравится? Нравится?» Лично я начинаю давиться этой дрянью, царапать язык о находящуюся в ней гальку и рассыпаться в похвалах. Что же касается Смоляковой, то, начитавшись ее мало похожих на правду историй, ты становишься маниакально подозрительной, тебе повсюду мерещатся серийные маньяки. Помнишь, как ты переполошила весь мой отдел, заявив, что дворник в доме, где живет Оля Григорьева, убил восьмерых мужчин? И что на деле оказалось? Дворник тишайшее существо, из всех сил старается услужить жильцам, чтобы получить чаевые. Просто ты накануне завершила чтение очередного опуса Милады, а там главный злодей подметальщик улиц в розовых ботинках!

Я нажала на красную кнопку. Все понятно. Толстяк только что вернулся с совещания, где ему досталось по первое число, вот он и злится. Мои кексы замечательные, как раз сегодня вечером я собиралась их печь и обязательно выполню задуманное. Но полковник не получит ни крошки! Ему Дед Мороз положит под елку только пену для бритья.

Я поерзала на сиденье и звякнула Гене, правой руке толстяка.

- Ну и что тебя насторожило? - спросил тот, спокойно выслушав мой рассказ.

Я начала перечислять:

– Дверь долго не открывали, распахнули лишь после того, как я крикнула: «Может, вам плохо? Вызвать „Скорую“»? Хотя только после этих слов я сообразила сказать про перепутанный багаж. И вот тогда створка сразу открылась. Создалось впечатление, что сначала меня не хотели впускать, хозяйка стояла в прихожей и ждала, когда незваная гостья уйдет, но, услышав про чемодан, изменила свое решение.

Гена издал смешок.

– И что? Тетка только прилетела, собралась отдохнуть, а в квартиру не пойми кто ломится. Вот и не обрадовал ее твой визит. А чемодан бабе нужен. Где здесь криминал? Даша, иногда нож это просто нож, а не орудие убийства, им хлеб-колбасу кромсают. А ты глядишь на него и черт-те что себе представляешь.

– Дослушай до конца, – попросила я, – у Елены на автоответчике было сообщение про мигрень. А когда я вошла в прихожую, то увидела, что она все еще с замысловатой прической, макияжем и в джинсах, то есть в том виде, в каком сидела в самолете.

– И что? – не понял Геннадий.

– Уж поверь мне, если в висок вгрызается зверь по имени «гемикрания»[1 - Гемикрания – hemіcrnіa – неврологическое заболевание, которое в народе называют мигренью.], сразу вытащишь из волос любые заколки, смоешь красоту с лица и стянешь узкие штаны, – объяснила я. – Эти нехитрые меры слегка облегчают состояние. И заснуть в полной экипировке не удастся. Не болела у Елены голова. В холле ярко светила люстра, но Касаткина не щурилась, ее сияющие лампы не раздражали. Она завела разговор про макароны. Лично я в момент приступа даже подумать о еде не могу, меня сразу начинает наизнанку выворачивать. Нет у Елены никакой мигрени. Зачем она мне наврала?

– Фиг ее знает, – ответил Гена.

– А разговор про «Аэрофлот» и про вкусный завтрак? – не утихала я. – Мы летели рейсом авиакомпании «Атур», еду нам предложили мерзкую, булочки напоминали картон. Макарон в помине не было. И тальятелле никогда не делают в виде машинок. И дома Лена все время терла запястья, они у нее были

красными. Кроме нее в квартире было двое мужчин. Оба светловолосые, голубоглазые, один толстый, лет пятидесяти, он сказал, что жена, приняв таблетки от мигрени, начинает нести чушь. И он же велел второму: «Витя, уведи сестру». Значит, Виктор брат хозяйки.

- Логичное предположение, - согласился Гена.

- Но Касаткина брюнетка, - продолжила я, - с карими глазами, смуглой кожей, полагаю, она еврейка, у нее характерная для иудеек фигура: большая грудь, не очень длинные полные ноги, тонкая талия. Еврейки очень женственны, сексуальны, красивы, но они не похожи на моделей, которые разгуливают по подиуму.

- И хорошо, - хмыкнул Гена, - на мой взгляд, «вешалки» все страшные.

- А вот ее брат ростом под два метра, тощий, светловолосый, с кожей, как у молочного поросенка, сутулый... Еврейской крови в нем, похоже, нет ни капли. Ну прямо «близнец» своей сестры.

- Елена от одного брака отца, Витя от другого, - нашел объяснение Геннадий.

- Ботинки! - воскликнула я. - Супруг Лены вышел в прихожую в коротком халате, он заканчивался где-то на середине бедра, имел розово-сиреневую расцветку. Из-под него виднелись обычные брюки и...

- Подумаешь, - перебил Гена, - парень пил чай на кухне, сидел голым по пояс, услышал из прихожей голос незнакомой женщины, решил выяснить, кто и зачем в дом приперся, постеснялся без майки выходить, схватил первое, что попало под руку, и накинул на плечи. А подвернулся халат жены, висевший на стуле. Все загадочные ситуации имеют простое объяснение.

- ...и ботинки, - продолжила я, - на ногах у супруга были уличные, тяжелые, на толстой «тракторной» подошве. Ты, когда приходишь домой, что делаешь?

- Жру, - ответил Гена, - я припираюсь ночью, Светка с Мишкой уже дрыхнут. Слопаю зараз обед-ужин и с полным животом в койку.

– Прямо в ботинках?

– Издеваешься? Обувь сразу скидываю, Светка убьет, если я натопчу, у нее бзик на чистоте, – ответил приятель.

– Почему муж Елены сидел в штиблетах? – гнула я свою линию. – В халате, но в уличных туфлях? Вопросов у меня много, а ответ, похоже, один. Когда Елена вошла в квартиру, ее там ждали незваные гости: Витя и «муж». Они связали ей руки и начали что-то у нее требовать. Парни не похожи на профессиональных преступников. Касаткина, очевидно, не соглашалась делать то, что от нее требовали, но ее не били, на лице кровоподтеков не было. А потом...

Я замерла.

– Ну, – поторопил меня приятель, – вещай дальше.

– Вероятно, им требовались документы, – воскликнула я, – всю дорогу Елена просматривала бумаги, считала что-то на калькуляторе. А я, роюсь в чужом барахле, нашла пакет с папкой, в ней лежали листы, заполненные цифрами, что-то вроде таблиц, еще графики... «Брат» и «муж» потребовали расчеты, женщина отдала то, что у нее было с собой в салоне самолета, потом открыла большой чемодан, желая достать остальное, а там обнаружили собачьи конфеты, бутылка для Дегтярева... Мужчины поняли, что багаж случайно подменили, стали прикидывать, как найти нужное, и тут я нарисовалась. Вот почему дверь сначала не открывали, мужики не хотели, чтобы их видели, впустить меня Лене разрешили, услышав мои слова про привезенный чемодан. Развязали ее, поэтому у Касаткиной были красные запястья.

– Тебе бы романы писать, – вздохнул Гена.

Но меня уже было не остановить.

– Мерзавцы приказали Касаткиной просто обменять багаж, припугнули ее, вероятно, пригрозили оружием, сказали: «Позовешь на помощь, пристрелим и тебя, и ту, что приперлась». Но Елена, как могла, пыталась дать понять неожиданной гостье, что ее удерживают силой. Касаткина демонстративно терла запястья, завела нелепый разговор про завтрак, она что-то пыталась мне сообщить. Но что? Не понимаю. Один из бандитов понял, что Лена пытается

привлечь внимание пришедшей, живо накинул халат, чтобы выглядеть одетым по-домашнему, и вышел в холл с желанием вытурить побыстрее незваную гостью. Что Касаткина имела в виду, когда говорила про тальятелле в виде машин? Почему упоминала «Аэрофлот»? Гена! Твоя версия?

Приятель издал протяжный вздох.

– Даша, успокойся. Ну не снял парень дома ботинки. И что? Он просто из тех, кто не заморачивается чистотой.

– Если хочешь, чтобы я перестала теревить тебя, проверь по базе Елену Касаткину, – попросила я. – Найдешь там брата Виктора и мужа, я успокоюсь. Но мне кажется, что женщина одинокая, в прихожей стояло несколько женских домашних туфель, а вот мужских ни одной пары.

Из телефона слышалось тихое пощелкивание.

– Гениально, – пробормотал Гена, – может, тапки хозяина описал кот, и их выбросили.

– Не похоже, что в доме есть животное, – упорствовала я.

– Выкинули и кошака, и сланцы, – не дрогнул приятель.

Я толкнула дверь и вошла в комнату. С трубкой у уха сидевший за столом Генка подпрыгнул.

– Ты откуда?

– Из коридора, – улыбнулась я.

– Я пропуск не заказывал, – недоумевал приятель.

– Меня так пропускают, – соврала я, не стоит рассказывать Генке, что у меня в отделе Александра Михайловича есть засланный казачок, секретарша полковника.

- Посмотри информацию про Касаткину, и я уйду, - пообещала я.

Геннадий схватился за мышку.

- Елена Петровна Касаткина, семидесятого года рождения, москвичка. Отец Петр Сергеевич Касаткин, скончался в девяносто шестом, работал журналистом. Мать Фрида Моисеевна Левинсон, редактор на радио, пенсионерка.

- Ага, - отметила я, - одна моя догадка подтверждается. У Касаткиной есть еврейская кровь.

- Училась на экономическом факультете МГУ, - не останавливался Гена, - окончила с красным дипломом. Работала в банке, потом стала журналисткой. Сейчас главный редактор газеты «Сплетник». Была замужем за Алексеем Николаевичем Фроловым, развелась в две тысячи пятом. Детей не имеет.

- Ну-ка, покажи фото Фролова, - потребовала я и села около Гены.

- Не дыши мне в ухо, - буркнул он, - любуйся.

- Ничего общего с мужиком в ботинках, - заявила я, - бывший супруг Елены черноволосый, носатый, в бифокальных очках. Погоди-ка, он работал в том же банке, что и Лена, после развода через пару лет женился на Евгении Петровой и переехал в Тольятти, где служит в представительстве компании «Аэрофлот», занимает там ответственный пост. Гена!

- Что? - вздохнул приятель.

- Тольятти, там делают машины, - зачастила я. - Тольятти - тальятелле, созвучные слова. Вот почему Касаткина говорила про вкусный завтрак, который подавали в самолете этой авиакомпании и про тальятелле в виде машинок. Она хочет, чтобы я связалась с ее бывшим мужем.

- Если это и так, то дамочка выбрала слишком мудреный путь, - снова заспорил Генка, - это ж кем надо быть, чтобы выстроить логическую цепочку.

– Мной, – воскликнула я, – как бедняжке следовало поступить? Заорать: «Помогите, спасите!»? Небось у мерзавцев, которые находились в ее квартире, оружие есть. Давай скорей телефон ее бывшего! Касаткина в опасности.

Приятель засопел.

– Записывай.

Я схватила трубку городского телефона и мигом соединилась с Фроловым.

– Алло, – произнес взволнованный голос.

– Алексей Николаевич? Вас беспокоят из отдела полковника Дегтярева, – затараторила я, – Дарья Васильева, заместитель Александра Михайловича.

Геннадий показал мне кулак, а я продолжала:

– Вам знакома Елена Касаткина?

– Да, это моя бывшая жена. А что случилось? – занервничал Фролов. – Мы давно в разводе, но остались хорошими друзьями.

Я кратко изложила события сегодняшнего утра.

– Витя – это Виктор Майоров, – закричал Алексей, – шофер Богданова, а второй мужик, скорее всего, – Василий Костюшкин, его личный помощник. Кто-то им стукнул про бумаги, которые Лена от меня получила.

Я включила громкую связь, чтобы Гена тоже мог слышать Фролова. И вскоре мы с приятелем оказались в курсе дела.

Жена Алексея работает врачом. Пару месяцев назад одна коллега спросила ее:

– Не хочешь ли подзаработать в одном клубе? Я там в свободное время подрабатываю, платят хорошо, в обиде не останешься. Единственное условие: никому не рассказывать про гостей, заведение частное, там всякие люди

бывают.

У Евгении с Алексеем квартира взята в ипотеку, поэтому жена с радостью согласилась и попала в удивительное место. Дом, стоявший в глухой сельской местности, где поблизости никакого жилья, выглядел убого. Но рядом с ним находилась вертолетная площадка. И внутри здание оказалось по-царски роскошным, в нем есть бассейн, ресторан с поваром-итальянцем, продукты для готовки доставляют прямым из Милана. В спа-зоне дежурят массажист, косметолог, в бане готовы веники и приветливо улыбается банщик. В общем, все для прекрасного релакса. Но потока отдыхающих в уютном местечке нет, потому что о райском уголке населению неизвестно. Несколько раз в месяц в деревеньку прибывают высокопоставленные лица из разных концов страны. Часто они прилетают с красивыми девушками, а если приезжают одни, то симпатичные блондинки их уже ждут в роскошно обставленных спальнях. Владеет заведением некий Андрей Павлович Богданов, он сам встречает гостей, проверяет, доволен ли вновь прибывший, и откланивается. И никто из гостей никогда не расплачивается за веселое времяпрепровождение, а гуляют в клубе так, что дым стоит коромыслом.

Евгении в злачном месте не понравилось сразу, она поняла, что клуб этот просто бордель, но выплаты по ипотеке большие, поэтому врач молча сидела в кабинете, радуясь тому, что ее услуги требуются нечасто. В основном жене Алексея приходилось опохмелять мужиков, чтобы они могли сесть в вертолет. Месяц назад в одном из прибывших повеселиться Женя узнала часто мелькающего на телеэкране политика, борца за нравственность, громко осуждающего гомосексуалистов, неверных жен и призывающего закрыть все телешоу, потому что они толкают народ на путь разврата. Сановный чиновник прибыл в сопровождении двух хорошеньких юношей с накрашенными глазами, а на месте его встретили веселые блондинки. Терпение Евгении лопнуло, но она не стала открыто возмущаться, нет, она сделала фото гостей, сняла копии с их заказов в ресторанах, счетов за разные услуги, собрала внушительное досье и, показав его мужу, сказала:

– Передай материал Лене, пусть его «Сплетник» опубликует.

Не надо удивляться этому предложению. Алексей и Елена сохранили хорошие отношения, Женя уважает Касаткину, как журналиста.

Узнав, какая бомба находится в руках бывшего супруга, главный редактор прилетела в Тольятти, забрала папки, но в Москву вернулась не сразу. Ей предстояло еще побывать в нескольких городах. Вчера около полуночи она связалась с Лешей и сказала:

– Все о'кей. Завтра я буду в Москве. Материал про веселый клуб готов. В четверг он появится в «Сплетнике». Не беспокойся, меня могут нашинковать полосками, но я никогда не сообщу, кто дал фото и материалы. Я не выдаю своих информаторов.

– Скорее помогите ей, – занервничал Алексей, заканчивая рассказ, – каким-то образом Богданов узнал, что у Лены на руках компромат. Он хочет отнять у нее документы. Пожалуйста, не бросайте ее один на один с головорезами.

* * *

Утром тридцать первого декабря «Сплетник» появился в ларьках. Его первую страницу украшал заголовок: «Тайные забавы борца с развратом». Статью украшали фотографии. На одной из них были запечатлены мужчины, которых я видела в квартире Касаткиной, их уводили в наручниках.

– С ума сойти! – ахнула Маша, которой я за завтраком рассказала всю историю. – Мусик, почему водитель и помощник Богданова продолжали оставаться в квартире Касаткиной после того, как ты привезла чемодан? Им следовало забрать папки и побыстрее смыться!

Я показала на мирно спящую у камина Афину.

– Это ее лап дело. Фина обожает утаскивать набитые чем-то пакеты. Вчера, когда я вышла из спальни, чтобы отнести в комнату Иры пакет с журналами, собака не растерялась, вытащила из чемодана пластиковую сумку с документами и закопала ее в своем лежаче. А я захлопнула чемодан, мне и в голову не пришло проверить его содержимое. И все мои предположения оказались правильными, Лена отдала бандитам свой ноутбук и те материалы, что были в сумке. А когда она открыла чемодан, чтобы вынуть остальное, там обнаружили чужие вещи, бандиты стали думать, что им делать, и тут, здрассти, в дверь звонит Даша.

Когда я ушла из квартиры Касаткиной, Виктор начал рыться в чемодане, но не нашел документов. Лена тоже была удивлена, но она живо смекнула: пока ее гости не получили папку, у нее есть шанс выбраться из истории целой и невредимой. Приспешники Богданова только связали журналистку, они не били ее, давили морально, пытались Лену подкупить. Касаткина знала: если до пяти утра заявленная ею статья не окажется в редакции, подчиненные всполошатся, начнут искать ее, приедут к ней домой, их не остановит сделанная по приказу Виктора запись про мигрень на автоответчике. Да, она успокоила тех, кто хотел связаться с ней, но ненадолго. Коллеги прекрасно знают: Лена крайне ответственный человек, если она не прислала материал, значит, что-то произошло. Касаткина надеялась, что ее спасут. А люди Богданова устали уламывать журналистку и от слов перешли к делу. Когда отправленный Генной ОМОН вышиб дверь квартиры, бедной Елене уже крепко досталось, она бы отдала мучителям папку, обменяла бы документы на свою жизнь, но понятия не имела, куда подевались бумаги.

А я, вернувшись домой, увидела, что Афина спит на каком-то пакете.

– Фине важно сторожить добычу, – засмеялась Маша, – она ее никогда не раздирает на части. Мусик, надеюсь, Касаткина поблагодарила тебя за ум и находчивость?

Я заулыбалась.

– Второго января меня ждут в редакции «Сплетника», хотят вручить подарок. Неудобно ехать к ним с пустыми руками, испеку для журналистов рождественские кексы, свои фирменные, с изюмом и орехами.

Манюня посмотрела на сидящего в соседнем кресле молчавшего во время нашего разговора Дегтярева.

– Зачем тебе возиться с тестом первого января? Вон стоит большое блюдо с кексами. Сейчас упакую их, и отнесешь в «Сплетник».

– Да, да, – оживился толстяк, – отличная идея, принесу из кладовки корзинку, постелем в нее салфетку, завяжем на ручке банты...

– Есть декор из пластиковых еловых веток, – затараторила Маша, – получится очень красиво.

– Я пекла эти кексы для вас, – напомнила я.

– Мы готовы отдать их журналистам! – воскликнул Александр Михайлович.

– Мусенька, мы не хотим, чтобы ты утруждалась в праздник, – защебетала Манюня.

– Незачем вам возиться, – подала голос Ирка.

Некоторое время я смотрела, как домашние с энтузиазмом укладывают маффины и украшают корзину, а потом воскликнула:

– Ладно! Вы правы. Пусть эти кексы уезжают в «Сплетник», испеку вам третьего января коврижку по особому рецепту.

– Только не это, – хором воскликнули Дегтярев и Маша, потом Александр Михайлович прибавил: – Пироги должен печь пирожник.

Манюня обняла меня.

– Мусик, ты лучше всех! Но твоя выпечка... э... такая своеобразная, необычная... понимаешь... пироги должен печь пирожник, у сапожника кексы не очень хорошо получаются, а уж у сомнительных детективов они просто убийственные.

Татьяна Устинова

Никогда я не был на Босфоре

– Ну вот, – сказал гид. – Перед вами – Босфор.

– Никогда я не был на Босфоре, – тут же процитировал интеллектуал Паша Семенов. – Ты меня не спрашивай о нем!

– А дальше как? – насмешливо поинтересовалась Маша Машина – такое у нее было имя, а может, она его себе придумала!

Маша не делала никаких попыток выйти из микроавтобуса, дожидалась, кто первым подаст ей руку. Первым руку подал гид. Маша оперлась на нее и, неторопливо перебирая длинными ногами, опустила себя на асфальт.

Нэсси посмотрела на нее и отвернулась.

И чего там перебирать ногами – две ступеньки всего?! Но у Маши все равно получалось перебирать, да еще так, что все мужчины немедленно кидались помогать, поддерживать, услужливо подставлять руки, плечи и другие части тела!..

– Так как там дальше, Паша? Про Босфор?

Интеллектуал Семенов не знал, как дальше, а потому радостно объявил общественности, что по Босфору идет огромный сухогруз, хотя общественность и без него отлично это видела.

– Я в твоих глазах увидел море, полыхающее голубым огнем, – неожиданно высказался гид.

Маша Машина захлопала в ладоши, приподняла темные очки, сверкнувшие вдоль оправы бриллиантовыми капельками, и глянула на гида.

– А дальше? – это Светлана Петровна спросила.

– Дальше, дальше! – подхватила Маша и кончиками пальцев слегка коснулась гидовой куртки, как бы поощряя и награждая его своим прикосновением.

– Не ходил в Багдад я с караваном, не возил я шелк туда и хну, – как ни в чем не бывало продолжил подкованный гид. – Наклонись своим красивым станом, на коленях дай мне отдохнуть!

– Bravo, bravo! – закричала Маша, и Верочка посмотрела на нее неодобрительно.

До появления Маши Машиной первой красавицей в компании считалась она, Верочка, и ей не нравилось, что «переменчивая толпа» уже короновала новую королеву, а про старую все позабыли!..

Хорошо, что я не королева, подумала Нэсси.

И еще она подумала так: зачем меня-то сюда понесло?! Не могла сказать больно, что ли?! Придумать срочные дела в Москве?! Записаться на курсы повышения квалификации?!

Все романтики тебе не хватает, пояснила ехидная Нэсси-inside. Все приключений тебе хочется на собственную... м-м-м... ну, пусть будет голову! Все тебя тянет растревать раны и скорбеть о прошлом, которое было столь прекрасным, что будущее, конечно же, уж наперед известно, таким прекрасным ни за что не станет!

Нэсси-outside нацепила на нос темные очки – Босфор сверкал невыносимо, – подошла к краю парапета и посмотрела в воду.

Вода была чиста и прозрачна до самого доньшка, до плотного коричневого песка, на котором лежали заросшие зелеными бородами водорослей камни. Были камни большие и маленькие. Большие выступали над водой, и хотелось упрыгать по ним в Босфор, и зеленые борода колыхались вокруг подсыхающих каменных лысин.

– Господи, тепло-то как! – мечтательно сказала Светлана Петровна, расстегнула дубленку и распахнула ее. – Мне не верится, что январь и всего три часа назад мы были в Москве!

– Я должна позвонить в свою квартиру в Монако! – неизвестно зачем объявила Маша Машина. – Мой друг хочет поставить свою машину в мой подземный гараж, и я должна позвонить, чтобы его пустили. У него спортивная машина, а я живу с видом на трассу Формулы-1!

Гид восхищенно поцокал языком. Паша Семенов подумал и тоже поцокал. Виталий Васильевич спросил, ловят ли в Босфоре рыбу, а Гриша так и не оторвал от уха телефон. Он разговаривал с той самой минуты, как самолет приземлился в Стамбуле.

Нэсси рассматривала рыбок, которые крутились вокруг камней. Турки, толпившиеся на пристани, бросали им куски лаваша, которые на лету хватали жадные, толстые и громогласные чайки. Смуглые турецкие дети визжали и носились между столиками уличного кафе, смуглые турецкие мужчины в турецких кожаных куртках степенно курили, смуглые турецкие женщины в платках и длинных пальто, с кошелками, пристроенными на локоть, громогласно переговаривались, Босфор слепил глаза.

Он был голубой, синий, зеленый, желтый, а дальше вообще непонятного цвета, и солнце, отражаясь от чистой воды, било по глазам, и сухогруз вдруг заревел обиженным басом.

– До сих пор корабли по Босфору водят только турецкие лоцманы, – сказал гид у Нэсси над ухом, так близко, что она вздрогнула и оглянулась с изумлением. Он закуривал и щурился на воду.

– Представляете? – Он помахал спичкой, чтобы затушить огонь, и почему-то сунул ее, обгоревшую и скрюченную, в передний карман джинсов. – Никакие навигационные приборы не помогают.

– Неужели? – пробормотала Нэсси.

– Что? Что? – Маша Машина приблизилась и взяла гида под руку. – Вы говорите что-то потрясающе интересное!..

Гид послушно повторил про Босфор и про лоцманов, и Маша закатила глаза, будто в припадке восторга. Гид смотрел на нее не отрываясь. Впрочем, на Машу все смотрели не отрываясь.

Ну, тут все ясно. Эта группа пройдет у гида под знаком прекрасной русской девушки с прекрасным русским именем Маша и оставит о себе прекрасные воспоминания, быть может, самые прекрасные в жизни данного конкретного гида.

Нэсси покопалась в сумке, выудила темные очки – без всяких бриллиантовых капелек, между прочим, – и стала смотреть на Босфор.

Где-то здесь поблизости есть то, о чем столько раз было читано, слышано и учено в школе – Золотые врата Царьграда, древние стены Константинополя, бухта Золотой Рог и Святая София.

Впрочем, Царьград и Константинополь, а заодно и Стамбул – суть одно и то же.

Босфор изгибался, и на той стороне, где лежала Азия, были холмы, и мосты, перекинутые через пролив, казались ненастоящими, легкими, тающими, как ниточки сахарной ваты под ярким солнцем.

– Один из Османов, Баязет, для укрепления подходов к Константинополю со стороны Черного моря проложил поперек пролива чугунные цепи, которые натягивал специальный ворот при подходе врага. Пролив стал практически неуязвим с моря, и желающим поживиться богатствами древнего города оставалось только одно – тащить корабли по суше. Во дворце Топ-Капы мы увидим знаменитую картину...

Гид говорил уверенным, хорошо поставленным голосом товарища Левитана, Маша Машина обморочно попискивала, что-то бухтела Верочка, а Виталий Васильевич все спрашивал про рыбу, теперь уже у Гриши, знатока всей рыбы на свете.

Ждали шефа и того американца, которого шеф представил им на прошлой неделе как гениального маркетолога и вообще специалиста в области продвижения. Нэсси так и не поняла толком, что и куда продвигал американец, но в офисе все закатывали глаза и говорили, что он «о-о-о... творит чудеса!...».

Впрочем, может, она ничего не поняла, потому что как раз накануне ее бросил муж.

Нэсси раньше не знала, что бывает с женщиной, когда ее бросает муж, а теперь узнала.

Он сказал, что больше ее не любит, разлюбил, и теперь у него своя дорога, не та, по которой тащится Нэсси и где они до последнего времени ковырялись вдвоем. Эта новая дорога совсем не то, что старая, на которой ему было невыносимо скучно. Вот, и еще он сказал: «Прости меня».

Нэсси посмотрела на него, как на полоумного.

Как – прости? Что значит прости?

Ты только что лишил меня жизни, причем всей сразу, настоящей, будущей и прошлой, не оставив мне ничего, чем можно было бы утешаться, а теперь просишь у меня прощения?! Прости, мол, всякое бывает? Не обращай, мол, внимания, найдешь другого?! Ты еще молодая, красивая, какие твои годы, у тебя все впереди, а я пошел, ты меня прости!..

И ушел.

– Среднегодовая температура воздуха в Стамбуле плюс пятнадцать градусов, а воды в Босфоре плюс восемнадцать, – разорялся гид. Его никто не слушал, только Маша Машина смотрела не отрываясь, тонкие пальцы с очень яркими красными ногтями то и дело касались мужественной загорелой руки гида.

Ветер, показавшийся Нэсси очень холодным, вдруг налетел, обдал с головы до ног, заморозил щеки.

Ты поклялась себе, что перестанешь рыдать, сказала сердитая Нэсси-inside. Ты сказала, что тебе непременно нужно переться в Стамбул, чтобы быть «на людях», чтобы чувствовать себя нужной и занятой, чтобы не впасть в депрессию и не нырнуть в пучину отчаяния. Так чего ты теперь рыдаешь, и как раз на людях?! Не хватало тебе только, чтобы Маша Машина сейчас заметила, что тебе плохо, и кинулась бы тебя утешать! Хочешь Машиных утешений, дура?!

Ну, дура, ну и что, согласилась Нэсси-outside, убитая горем. Просто я не успела прийти в себя, понимаешь?! Просто еще неделю назад все было хорошо, и я даже билет ему купила, чтобы на тренинг в Стамбул он полетел со мной. Я хотела, чтобы это был сюрприз – путешествие вдвоем, среди зимы, в сказочный город. Бухта Золотой Рог, янтарь на трубках Царьграда, фарфор и бронза на столе, комната на восемнадцатом этаже с видом на пролив, утренний запах

кофе и мужского парфюма «после бритья», потом занятия с гениальным американцем и познание тайн продвижения, а потом – опля! И полдня в нашем распоряжении! И солнышко светит, и тепло, и Босфор плещется поблизости, и мечеть Султан-Ахмед полыхает тем самым голубым огнем над Босфором, и греческий акведук, уцелевший с прошлого тысячелетия, возвышается на том берегу, и все это наше на целых четыре дня!

Вот и выходит, что дура, поддала Нэсси-inside мрачно. Как это ты могла думать, что все хорошо! Значит, ничего не было хорошего, раз он повернулся и пошел! Да еще сказал – прости меня!

– Султанской мечеть считалась, если на каждом из минаретов было не менее трех балконов, а лучше все четыре, – надсаживался гид. – Когда мы с вами подойдем к мечети Султан-Ахмед, вы убедитесь, что... – продолжал он. Маша Машина уже держала его под руку, и локоть у гида казался замороженным, так старательно он отслеживал локтем Машину ручку.

Тут подкатил автобус, въехал почти на самый причал. За ним крался огромный черный «Мерседес» с тонированными стеклами. Нэсси уже обратила внимание, что в Стамбуле, как и в Москве, очень любят «Мерседесы» с тонированными стеклами – знак богатства, процветания и некоторых неладов с законом.

Из автобуса посыпались туристы в ярких куртках и белых брюках, с неизменными рюкзаками на плечах и свитерами, обвязанными вокруг поясницы. Если бы это были американцы, они все как один были бы в резиновых шлепанцах и шортах. Если зимой на улице любого европейского или даже азиатского города вы видите человека в шортах – знайте, это американец! Для тепла шорты могут быть подбиты мехом, а под рубашку надеты пять маек разной длины, ширины и цвета. Но чтобы джинсы с курткой – никогда!..

Он же американец. Он привык. Для того чтобы «перепривыкнуть», нужно напрягаться, да еще и покупать эти самые джинсы – зачем?! Он же так привык.

Туристы все еще сыпались как горох и раскатывались в разные стороны из высокого автобуса, когда неспешно открылась дверь «Мерседеса», сверкнула на солнце, замерла, и только потом на асфальт выставилась нога в черном носке и черном же лакированном ботинке, как в кино про Дона Корлеоне. Следом за ногой показался весь шеф. Вылез наружу, как из берлоги, недовольно фыркнул,

сощурился на Босфор, покрутил головой, одернул пиджак, нашел глазами своих и сразу отвернулся.

Уйду я от него, подумала Нэсси-outside. Вот теперь точно уйду. Терять мне все равно нечего.

Ты сначала поживи без мужа, посоветовала Нэсси-inside. Без его заботы, без его зарплаты, без его мамы, которая хоть раз в неделю придет, уберется, выгладит кучу его рубашек и кастрюльку щей оставит, которых хватает примерно до среды, а там уж посмотришь, уйдешь ты от шефа или нет.

Американец, «гений продвижения», бодро выскочил следом за шефом и сразу что-то затрещал, отсюда было не разобрать, что именно. Он трещал и показывал рукой на Босфор.

Вся компания из микроавтобуса сгрудилась вокруг гида и на скорую руку сделала вид, что внимательно слушает.

Гриша оторвал от уха мобилу, сунул в карман и огляделся, а Виталий Васильевич тихо и печально вздохнул, уставившись в воду, где плескалась рыба. Светлана Петровна по-дружески обняла Верочку, интеллектуал Паша осведомился, где Золотой Рог, получил несколько недоуменный ответ в том смысле, что «вот же он!», и успокоился.

Нэсси все смотрела на золотую солнечную дорогу, которая прямо по воде вела из Европы в Азию.

Странный, непонятный город! Разве может быть город одновременно в Европе и в Азии?

Нет, не так! Город, который соединяет Европу и Азию?! Разве такое возможно на самом деле?!

Вот он, Стамбул, и вот она, Европа, и вон она, Азия, и никакой мистики, и все-таки непонятно. Совсем непонятно!..

– А здесь же есть какой-то собор... я забыла! Ну, там раньше еще мечеть была, а потом его переделали в православный храм! Где он?

Гид посмотрел на Машу и любезно похлопал ее по руке.

– Если вы имеете в виду Святую Софию, – сказал он, – то ее отсюда не видно. Только православие тут ни при чем, и храм как раз создавался правителями Византии именно как христианский. Во время завтрашней экскурсии мы непременно посетим его...

– Завтра у нас тренинг, – заметила Светлана Петровна скучным голосом. – До двух часов у нас лекции, а потом мы едем осматривать местное кожевенное производство.

– Но у меня в программе записано, что завтра экскурсия в Ай-Софию! – возразил гид, полез в карман, достал бумажки и зашуршал. – Ай-София, или Святая София, называется так потому, что император Константин в свое время...

– А это вы у него спросите, – и Светлана Петровна кивком указала на шефа. – Он вам все расскажет и про Софию, и про Византию, и про то, чем мы должны заниматься во время тренинга.

Нэсси не слушала.

Как он мог меня разлюбить, думала она. Вот как это бывает? Любил, любил, а тут вдруг, в прошлую субботу, взял и разлюбил? И теперь ему нет до меня дела, и ему все равно, где я и что со мной?! И как долетела до Стамбула, и с кем я здесь, и как мне здесь, и не обижает ли меня кто, и успела ли я покурить перед лекцией, ведь он же знает, что я не могу долго без сигареты и начинаю бросаться на стены?! Еще он знает, что я не могу долго ходить и постоянно растираю в кровь пятки и мне всегда нужно везти с собой шлепанцы, чтобы ходить хоть в чем-нибудь, потому что ни в одни туфли я не могу засунуть распухшие ноги?! И еще он знает, что я плохо сплю на новом месте, а потом ничего не соображаю, и мне утром непременно нужно три чашки крепкого кофе, и я могу забыть очки, а без них я как слепая курица! Он знает все это, только ему теперь все равно.

Все равно.

Потому что он меня разлюбил.

В его жизни появится – или уже появилась – какая-то другая женщина, про которую он будет все знать – или уже знает, и именно ее он будет любить – или уже любит.

– Нам нужно поторапливаться в отель, – говорил гид у нее за спиной. – На всякий случай мне придется уточнить кое-какие планы, если вы утверждаете, что завтра никаких экскурсий быть не может.

– Ах, какая ерунда! – нежно прижавшись щекой к его кожаной куртке, проговорила Маша Машина низким голосом. – Мы с вами завтра пойдем на экскурсию вдвоем, если все эти противные люди будут сидеть на своем противном тренинге! В конце концов, Стамбул – это... – тут она подумала немного, и от усилия мысли на лбу у нее появилась крохотная складочка. – Стамбул – город контрастов!

Гид кивнул.

– Управдом – друг человека! – провозгласил Паша Семенов, и Виталий Васильевич на него шикнул. Никому не хотелось обижать Машу Машину, не только красавицу, но и умницу, точно знавшую, что Стамбул – город контрастов.

В отеле, куда прибыли тем же порядком – вся компания в микроавтобусе и шеф с американцем в «Мерседесе», – некоторое время выясняли, кто где живет и во сколько завтрак. Верочка закатила небольшой скандал – ее номер оказался на пятом этаже, и Босфор был не слишком хорошо виден. Она плакала и говорила, что так всегда, все живут выше ее. Пока переселяли Верочку, пока выясняли, входит ли ужин в стоимость номера, – оказалось, что не входит и каждый платит за себя, – спрашивали, где конференц-зал, снятый для тренинга, и оказалось, что он в Южной башне, а все жилые номера в Северной, за всеми этими делами незаметно наступил вечер, и пора было расходиться по номерам.

Нэсси проплакала всю ночь и утром, взглянув на себя в зеркало, чуть не зарыдала снова – от отвращения.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Гемикрания – hemіcrnіa – неврологическое заболевание, которое в народе называют мигренью.

Купить: https://tellnovel.com/granovskiy_anton/novogodniy-detektiv-sbornik

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)